

Талантливый детектив

Марта Таро

**ОХОТА
НА МЕНЕЛАЯ**

Галантный детектив

Марта Таро

Охота на Менелая

«ВЕЧЕ»

2016

Таро М.

Охота на Менелая / М. Таро — «ВЕЧЕ», 2016 — (Галантный детектив)

ISBN 978-5-4444-8610-8

1826 год. Разведка Черноморского флота перехватывает донесение турецкого агента, подписанное кодовым именем Менелай. Командующий флотом поручает своему любимому ученику князю Ордынцеву разыскать и обезвредить шпиона. Следы приводят Дмитрия в Петербург, и здесь он вынужден просить помощи у нового столичного пристава капитана Щеглова. Капитан берётся за расследование, но даётся оно Щеглову очень непросто, ведь в дело Менелая вовлечены два главных столпа николаевской России – военный министр Чернышёв и шеф жандармов Бенкендорф. «Охота на Менелая» – второй роман Марты Таро из увлекательного цикла «Галантный детектив», в котором карты Таро предлагают читателям новую загадку.

ISBN 978-5-4444-8610-8

© Таро М., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвёртая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Глава седьмая	34
Глава восьмая	39
Глава девятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марта Таро

Охота на Менелая

© Таро М., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Глава первая Турецкий шпион

Константинополь

Октябрь 1825 года

Душный вечер так и не принёс пролады древней столице Османской империи.

Солнце катилось за горизонт, а плотный жар по-прежнему висел в воздухе – упругий и липкий, словно рахат-лукум, – и лишь на Босфоре дышалось свободней. Шустрая лодка с двумя парами гребцов, скользившая по серо-лиловым закатным водам, сейчас могла бы сойти за райские чертоги, однако её единственный пассажир выглядел изрядно раздражённым. Его узкое лицо с тонким крючковатым носом и влажными чёрными глазами могло принадлежать и греку, и уроженцу любой из балканских стран (на это намекал дорогой европейский сюртук), но красивая густая борода и шёлковая малиновая феска выдавали в пассажире турка.

– Долго ещё? – спросил он у старшего из гребцов.

– Нет, господин, вон уже мыс показался. Рыбацкая деревушка – левее, сразу за той горой, а новые дома – правее, – почтительно доложил лодочник.

Пассажир кивнул и замолчал. Ему пришлось нанять лодку в предместье, чтобы этот его визит остался незамеченным. Сегодня он должен был завершить работу самого ценного из своих осведомителей в тайной греческой организации «Филики этерия» и организовать переброску в Одессу нового агента. Османской разведке отчаянно не хватало шпионов в России. Тот же, к кому сейчас направлялся пассажир, имел подлинный российский паспорт, что само по себе было редкостью.

– Куда прикажете, господин? – уточнил старший из гребцов, – к рыбакам?

– К новым домам, и подождёте меня с полчаса, а потом отвезёте обратно.

Лодка взяла правее и вскоре приблизилась к берегу. Узкая полоска гальки вперемежку с крупными валунами окаймляла крутой скалистый подъём. С высоты берега вниз сбегала тропинка, а по воде навстречу ей стремились узкие мостки.

– Здесь причалим, – объяснил гребец. – Вы по тропинке подниметесь и увидите новые дома, там всего одна улица.

Пассажир молча кивнул, и как только лодка ткнулась бортом в сваи этой убогой пристани, он перескочил на мостки и распорядился:

– Ждите!

Пассажир стремительно поднялся на кручу и огляделся. Два ряда похожих друг на друга каменных домов под черепичными крышами лепились к склону горы. Пассажир уверенно свернул на узкую тропку и направился ко второму из них, толкнул незапертую калитку и поднялся на крыльцо. Дверь сразу же отворилась, и высокий смуглый толстяк, одетый по-европейски, придержав дверь, отступил в глубь коридора.

– Добрый вечер, а я уже думал, что вы не придёте, Муртаза-Ага, – сказал он по-турецки, но с грубым, раскатистым акцентом.

– Вы ошиблись, – не считая нужным оправдываться за опоздание, ответил гость. – У меня мало времени, так что давайте перейдём к делу.

– Да-да, конечно, прошу вас, – заторопился иностранец и повёл своего визитёра в большую полупустую комнату, выходящую окнами на Босфор. – Вы ведь в первый раз у меня дома?

– И в последний, – отрезал Муртаза-Ага. – Я вынужден отказаться от ваших услуг. Этеристы больше не примут вас – ясно же, что вы провалились, а раз так, то это только вопрос времени – узнать ваше местонахождение. Моё начальство не хочет, чтобы дом, построенный

для наших агентов, был рассекречен и к тому же обагрён кровью. Я вынужден предложить вам покинуть его.

– Но как же так?.. – растерялся толстяк, лицо его под жёсткой шапкой бараньих кудрей бледнело на глазах. – Куда я пойду? Я так много сделал для нашего дела, а теперь вы гоните меня на ножи заговорщиков?

Казалось, что его страх заполнил всю комнату. Запах пота, особенно мерзкий в духоте перегретого за день воздуха, резанул чуткий нюх гостя, но турок подавил брезгливый позыв и равнодушно процедил:

– Мы оба с вами находимся в безвыходной ситуации: я не обсуждаю приказы своего начальства, а вам некуда идти. Но поскольку я не привык бросать преданных лично мне людей, то взял на себя смелость порекомендовать вашу кандидатуру на роль нашего агента в России. Материально это дело необыкновенно выгодное. Тому, кого берут на такую ответственную службу, сразу дарят один из этих домов и выдают аванс в десять тысяч пиастров.

– Но ведь в России за это – смерть!

– Не попадайтесь, – пожал плечами Муртаза-Ага, – по риску и оплата. Ну, что скажете?

– А мне нужно сразу дать ответ? – заюлил его собеседник. – Дайте хотя бы подумать.

– Нет времени! Мой агент должен завтра на рассвете отправиться на задание. Либо я передам все документы вам, либо другому человеку. Так что у вас ровно пять минут на раздумье, – сообщил турок и отошёл к окну.

Он встал так, чтобы его не видели с улицы, и с облегчением подставил лицо под только что зародившийся ветерок с Босфора. Осмотрел берег и спуск к воде. Хотя уже стемнело, он ещё различал лодку, ожидавшую его возвращения.

– А бумагу на дом сразу дадите? – прозвучало за его спиной.

Муртаза-Ага обернулся и с удовольствием отметил, что толстяк совершенно раскис. Получился именно тот эффект, которого турок и добивался.

– Купчая со мной. Кстати, вас поэтому и выселяют, что дом отходит новому агенту. Мы ценим храбрых людей.

– И что же я должен делать?! – взвизгнул толстяк. – Надеюсь, не генералов в Петербурге убивать?

– Мы не ставим невыполнимых задач. Нас интересуют только документы, и прежде всего те, что касаются портов и крепостей, а также флота и армии, ну и любые сведения, задевающие интересы Османской империи.

– Вот это да!.. Кем же нужно быть, чтобы добраться до этих бумаг?

– Незаметным чиновником, писарем или адъютантом военного начальника – нам всё равно, главное, чтобы результат был.

Румянец постепенно вернулся на щёки толстяка, но он всё ещё не мог решиться. Наконец он воскликнул:

– А если случится война?! Вы понимаете, как я рискую?

– В военное время оплата удваивается. Здесь – аванс за первое донесение. Золотом... Берёте?

Муртаза-Ага кинул на стол увесистый кожаный кошель. Пухлая рука с короткими пальцами тут же сгрэбла его.

– Беру, – подтвердил толстяк. – А что мне теперь делать?

– Все указания найдёте в этом конверте, – объяснил турок. – Завтра в пять часов утра будьте вон на тех мостках, подойдёт лодка и отвезёт вас на корабль, идущий в Анапу, а там уже комендант крепости сам переправит вас в Одессу.

Муртаза-Ага положил на стол купчую и толстый запечатанный конверт. Увидев, как, не выпуская из рук кошель с деньгами, иностранец ухватил и бумаги, турок явственно хмыкнул,

выйдя из образа строгого, но справедливого начальника. Однако спохватившись, гость поспешил добавить:

– Теперь о том, что будем знать только я и вы. Нужно выбрать имя, которым вы станете подписывать свои донесения. Я предлагаю Менелай. Как вам?

– Красиво...

Начальник взгляделся в лицо своего нового агента. Растерянность толстяка уже прошла, и тот взирал на Муртаза-Агу с угодливой заинтересованностью. Да, ничего не скажешь! Этот человек – настоящая находка: его патологическая жадность и полное отсутствие принципов открывали для османской разведки заманчивые перспективы. Объяснив новоявленному шпиону, каким будет пароль между ним и связным в Одессе, турок простился и поспешил к лодке.

Менелай остался один. Он бросил кошелек на стол. Даже золото не радовало – его изводили страх и ненависть. Он ненавидел беспощадного турка, греков-этеристов, себя самого и всю свою прошлую жизнь. Он ненавидел этот выжженный солнцем бездушный город, а ещё больше – огромную ледяную империю, Россию, куда ему предстояло вернуться. Страх сжигал нутро, да так, что хотелось выть... Боже милосердный, как жить дальше? Как всё это можно вытерпеть?..

Глава вторая

Происшествие на Тверской

Москва

Август 1826 г.

Как всё это можно вытерпеть?! Ну и духотища! Слава богу, что их бесконечное путешествие заканчивается. За окошком ямской кареты запестрели свежими красками возрождённые после пожара двенадцатого года дома Тверской, пути оставалось всего чуть-чуть. Графиня Надежда Чернышёва выглянула в окно, высматривая мраморные пилястры родного дома, и когда они наконец-то показались из-за длинного фасада дворца Белосельских-Белозёрских, обрадовалась.

– Ещё пара минут – и будем дома, – пообещала она своей вконец измученной двоюродной бабке – Марии Григорьевне Румянцевой. – Сразу мыться и спать!

– Надеюсь, что в доме прохладно, иначе я залезу в пруд и буду сидеть в нём до самой ночи, – пошутила старая графиня и тут же поняла, что сказала чистую правду. За семь дней пути не выдалось ни единого дождичка, пыль на тракте стояла столбом, а беспощадное солнце закрутило в трубки пожухлую листву и до желтизны выдубило травы.

– Возьмите меня с собой, будем сидеть рядом, как две разморённые лягушки! – усмехнулась Надин.

– Ладно, возьму, но только если не заставишь меня квакать, – в тон ей ответила бабушка и, выглянув в окно, обрадовалась: – К крыльцу разворачивают. Приехали!

Топот летящих во весь опор лошадей прервал их шутивную перепалку. Истошный крик кучера, следом удар – и обе дамы скатились на пол. Послышался скрежет, как будто что-то тяжёлое проволокли вдоль левого борта кареты, и окно там наглухо закрылось. Надин с изумлением увидела чёрную лакированную стенку чужого экипажа и краешек открытого окошка. За ним кто-то чертыхнулся, потом в узкой щели появился глаз и часть лица, явно мужского, поскольку был чётко виден золотистый ус. Мужчина, как видно, оценил обстановку и неуверенно спросил:

– Сударыни, вы сможете подняться сами?

Надин ухватилась за сиденье и, подтянувшись, встала, зато её бабушка лежала на полу, неуклюже вывернув левую ногу. Лицо старушки сделалось землисто-серым, а на лбу бисерной дорожкой проступили капли пота.

– Что? Где больно? – испуганно захопотала Надин.

– Нога, похоже, сломана...

Надин аж подпрыгнула.

– Эй, вы, там! Немедленно откройте дверь, у бабушки повреждена нога! – завопила она, потрясая кулачком перед глазом лихача, так осложнившего им жизнь. – Сию минуту, или я вас в порошок сотру!

– Не орите, вы испугаете почтенную даму, – невежливо заметил незнакомец.

Надин услышала, как хлопнула дверь чужого экипажа, под свободным окном послышались шаги, и высокая фигура заслонила солнечный свет.

– Кареты сцепились осями, быстро их не растащишь, а дверь зажата. Я помогу вам, потом сам залезу внутрь и поднесу к окну вторую даму, а кучера пусть её примут. Давайте руки, – скомандовал незнакомец, и Надин против своей воли подчинилась.

Железные пальцы сомкнулись на её запястьях, потом перехватили плечи, и девушка, как пробка из бутылки, вылетела наружу. Теперь она стояла на мостовой, а незнакомец в морском

мундире крепко держал её за талию. Пытаясь осознать случившееся, Надин, словно заворожённая, уставилась на него.

– Ваше сиятельство, вы не пострадали? – прозвучало откуда-то сзади.

Надин обернулась. Дворецкий Чернышёвых, открыв рот, взирал на то, как незнакомый мужчина на глазах всей Москвы обнимает хозяйскую дочь. Надин стяхнула с себя руки незнакомца и кинулась к крыльцу.

– Бабушка лежит в карете, у неё повреждена нога. Скорее позовите кого-нибудь!

Дворецкий метнулся за подмогой, а Надин вернулась к экипажу. Голос незнакомца уже звучал внутри кареты, старая графиня отвечала ему, и, что самое интересное, она явно знала собеседника.

Вернулся дворецкий, с ним – четверо слуг. Офицер выглянул из окна и спросил:

– Готовы? Тогда принимайте её сиятельство.

Он опять исчез внутри кареты, и через мгновение в окне показались голова и плечи графини Румянцевой. Слуги и дворецкий подхватили старую даму на вытянутые руки и понесли её к дому. Надин уже собралась последовать за ними, когда услышала:

– Вы меня не помните?

Ну, ничего себе, вопрос! Как можно забыть такого мужчину? В лице этого моряка эффектно сочетались медальная правильность черт и яркий контраст светлых волос с тёмными, как вишни, глазами. Если бы Надин хоть раз его увидела, то уж точно не забыла бы. Она растерянно молчала...

– У Кочубеев, в январе. Вы тогда были вместе с матерью и бабушкой. Я приехал к хозяину дома, а ваша компания – к мадам Загряжской. Мы встретились в вестибюле.

Надин это ни о чём не говорило. С тех пор как Чернышёвы после свалившихся на семью бед перебрались в Петербург, они бывали в доме Кочубеев чуть ли не ежедневно. На половине тёщи хозяина дома действовал их маленький «штаб», где обсуждалась любая возможность помочь арестованному по делу о восстании на Сенатской площади единственному сыну Чернышёвых – Владимиру, или Бобу, как звали его дома. С каждым днём надежды таяли и в конце концов иссякли – все усилия бедных женщин пошли прахом. Понятное дело, что тогда Надин думала только о брате, и её меньше всего интересовали встреченные в коридорах офицеры, она даже не запоминала их лиц. Но не объяснять же всё это случайному человеку, тем более такому самоуверенному типу. В его лице не было даже намёка на раскаяние, хотя именно он оказался виновником бабушкиного несчастья.

Офицер закатил глаза и приставил два пальца к виску, как будто собрался стреляться, и тут же весело расхохотался:

– Какая драма – узнать, что оказался недостойным вашего внимания.

«Он ещё и издевается!» – Надин рассердилась.

– Я не запоминаю лица неинтересных мне людей, к тому же вас мне никто не представлял, – высокомерно процедила она, развернулась и направилась домой.

– Меня зовут Дмитрий Ордынцев, – прозвучало за её спиной, – пожалуйста, запомните хотя бы имя, раз вы не в состоянии запомнить моё незначительное лицо.

Надин пожала плечами и, не удостоив наглеца ответом, захлопнула дверь.

«Он ещё иронизирует! Ни стыда, ни совести», – злилась она.

Впрочем, всё это не имело никакого значения по сравнению с бабушкиной ногой. Старую графиню положили на широкий диван в гостиной, бледность её вроде бы начала отступать.

– Сильно болит? – кинулась к старушке Надин.

– Ты знаешь, вроде легче! Я могу шевелить пальцами – наверное, это не перелом, скорее, ушиб.

– Слава богу! Я так испугалась, – просияла Надин и с нежностью поцеловала руку старой графини. – Надо же, в самом конце попасть в такой переплёт!

– Ну, ничего, князь Дмитрий справился с нами обеими, вытащил.

– Так вы его знаете?

– Давно... Я когда-то дружила с его бабкой, да и отца его хорошо помню, тонкий был человек – искусством всё увлекался. Сын не в него – в моряки подался.

Мария Григорьевна смолкла и устало прикрыла глаза. В дверях раздался стук каблучков, Надин обернулась и увидела свою мать, а за её плечом – испуганное личико младшей сестры, Любочки.

– Что с ногой?! – кинулась к тётке Софья Алексеевна и бросила укоризненный взгляд на дочь. – Как такое могло случиться?

– Никто не виноват, Сонюшка, – поспешила объяснить старая графиня, – наша карета поворачивала к крыльцу, когда на неё налетел экипаж князя Ордынцева. Это я с испугу решила, что нога сломана, а теперь думаю, что просто ушиблена.

– За доктором уже послали, скоро всё узнаем, – пообещала ей племянница и села на краешек дивана, – а пока придётся вам здесь полежать.

Софья Алексеевна выжидающе посмотрела на тётку и перевела взгляд на дочь. Ещё мгновение – и она спросит о причине их внезапного появления в Москве. Мать пока не знала главного. Надин вздохнула и, взяв тяжкое бремя объяснения на себя, сообщила:

– Бобу вынесли приговор. Ему присудили три года каторги.

Глаза матери наполнились слезами. Пугающе-большие на истаявшем лице, они мгновенно переполнились влагой, и капли заскользили по щекам. На это было невозможно смотреть. Мать не всхлипывала, не рыдала, она молчала, но слёзы текли непрерывным потоком.

– Мамоchка, не нужно!.. Боб – молодой и сильный, он всё перенесёт и вновь будет с нами, – кинулась к ней Надин.

– Да, конечно! Боб справится со всеми невзгодами, – вторила ей младшая сестра, – мы сможем вместе поехать к нему.

Слова Любочки как будто отрезвили графиню, она вытерла слёзы.

– Этого я не допущу. Я позволила сыну исковеркать судьбу, но костыми лягу, чтобы хоть вы не наломали дров из-за каких-то романтических иллюзий. Вы останетесь здесь – среди людей нашего круга. Слава богу, Вера уже нашла своё счастье: князь Платон – прекрасный человек и любит вашу сестру. Теперь дело за Надин, а потом и ты подрастёшь. Вы должны быть здоровы и счастливы, а к Бобу я поеду одна.

Софья Алексеевна строго поглядела на дочерей, но никто и не собирался с ней спорить, а уж Надин – тем более. О чём рассуждать, если насчёт замужества мать права? Ещё полгода назад, когда получил огласку тот неприятный факт, что сёстры Чернышёвы остались бесприданницами, Надин пообещала родным сделать блестящую партию, только вот найти идеального жениха пока не смогла. У всех претендентов чего-то да не хватало: знатные были не слишком состоятельны, а богатеи не могли похвастаться древностью рода. Нет, всё – или ничего! Так что свой поиск она продолжала.

Приехал доктор. К счастью, оказалось, что нога у старой графини всего лишь ушиблена, даже никаких повязок не потребовалось. Врач позволил Марии Григорьевне самой подняться и дойти до спальни.

– Полежите денёк, и всё забудется, – пообещал он.

У Надин отлегло от сердца. Ей стало совестно, что не уберегла бабушку, но что она могла сделать, когда этот варвар носился по Москве, не разбирая дороги? Теперь, когда всё обошлось, Надин с облегчением возложила вину за это происшествие на нахала Ордынцева и с чистой совестью занялась собой. Ванна, прохладные простыни в собственной спальне – мечта путешественника! Сон не заставил себя ждать, и, уплывая в дрёму, Надин вспомнила черные вишни глаз, светлые усы и бачки, а потом и свою отповедь.

«Ну что, наглец, получил по носу? Так тебе и надо», – мстительно улыбнулась она и сразу уснула.

Уснуть бы, да как? Жара – сил нет! Измотанные лошади еле плелись по раскалённым улицам Москвы, и Менелай давно пожалел, что не сменил их на въезде в город. Глупость, конечно, – решил сэкономить деньги и время, чтобы завтра не плутать по улицам, а сразу же выехать на столичный тракт. Его ноги в модных сапогах разбухли, спина под летним сюртуком сделалась абсолютно мокрой, а муслиновый галстук казался ему теперь отвратительной липкой удавкой, и, хотя оба окна в карете были опущены, духота так и не уменьшилась.

Может, заселиться прямо сейчас в какую-нибудь гостиницу? Менелай выглянул в окно, пытаясь понять, где он находится... Ба!.. Да это же Тверская!..

На другой стороне улицы сиял белоснежной лепниной трехэтажный особняк. В стёклах его высоких окон алыми всполохами преломлялись лучи закатного солнца, длинный ряд мраморных пилястр отливал розовым. Просто картинка! Впрочем, Менелай мало ценил московские красоты, зато его очень заинтересовало случившееся перед домом происшествие. Два экипажа сцепились осями. У свободного окна одной из карет топтался высокий офицер, как видно, из моряков. Вдруг он изловчился и вытащил из экипажа женщину. Офицер поставил даму на ноги, но при этом почему-то не спешил отпускать.

– Фу ты, ну ты, каков спаситель! Теперь, понятное дело, губу раскатал на сладкое, – оценил ситуацию Менелай. – До чего же глупы женщины: пара нужных слов – и дело в шляпе.

Но его предположение не оправдалось. Дама резко отшатнулась и кинулась прочь от моряка. Эко диво, она, оказывается, строила из себя праведницу! Менелая даже заинтриговало, кто эта высоконравственная особа, но та стояла спиной, и он не видел её лица. Спасителя, насколько он мог рассмотреть, Менелай не знал, поэтому конфуз, приключившийся с бедолагой, не доставил того удовольствия, какой могла бы принести неудача знакомого. Карета уже миновала место столкновения экипажей, и Менелай вернулся мыслями к собственным делам. Вылезать у ближайшей гостиницы или нет? Наверно, всё-таки не стоит этого делать, ведь начальник и так уже, поди, рвёт и мечет из-за его длительного отсутствия. Как знать, может, ещё один день вне службы решит судьбу Менелая, и раздражённый начальник выкинет своего нерадивого подчинённого на улицу. Этого никак нельзя было допустить, ведь тогда рухнет не только вдруг замаячившая блестящая карьера, но иссякнет и золотой дождь турецких пиастров.

«Береженого – бог бережет. Дотерплю как-нибудь», – решил Менелай.

Он снял сюртук, рванул с шеи мокрую удавку галстука и, вытянув ноги, устроился поудобнее. Самое позднее через пять дней он должен появиться в Петербурге. Время поджимает, скорее всего, и после Москвы не стоит останавливаться на ночлег. Впрочем, зачем суетиться? Можно принять завтра – как говорится, утро вечера мудренее.

Утром Надин нашла бабушку в столовой. Вчерашние наставления врача старая графиня, как видно, пропустила мимо ушей.

– А вы уверены, что вам уже можно ходить? Доктор сказал, что сегодня нужно лежать, – на всякий случай напомнила Надин.

Мария Григорьевна лишь отмахнулась:

– У меня не так много дней осталось, чтобы проводить их в постели. Да и тебя вывозить нужно...

Надин сочла за благо попридержаться язык: на сегодняшнее утро у неё имелись очень важные планы, и чем меньше внимания она привлечёт к собственной персоне за завтраком – тем лучше.

Дело это было её личной тайной. Родные знали лишь то, что лежало на поверхности: незадолго до своего ареста граф Владимир отдал процентщику Барусю в рост двести тысяч золотом. Деньги были частью приданого трех сестёр Чернышёвых. Пришлось Вере и Надин разыскивать Баруся. Ростовщик не стал отпираться и свой долг перед Чернышёвыми признал, но всю сумму вернуть не смог (деньги были уже розданы, а сроки выкупа залогов ещё не подошли), зато он дал хороший процент, и Надин уговорила сестру не требовать слишком многого и оставить всё как есть. С тех пор Чернышёвы исправно получали от ростовщика проценты. Надин ездила на Охту – забирать деньги, но сама думала о большем. Никто из родных даже не подозревал, какую рискованную игру она затеяла. Перед самым отъездом в Москву Надин успела заехать к ростовщику, чтобы спросить:

– Иосиф Игнатьевич, ведь бывают же случаи, когда долги в срок не гасят и залог отходит вам?

Барусь подтвердил:

– Редко, но бывают. Должник может умереть, а наследники не захотят выкупать залог, или тот не столь ценен, а деньги нужнее. Бывает, игроки всё спустят и вовремя не расплатятся.

– Вы что тогда с залогом делаете?

– Выставляю на аукцион, кто больше даст. В «Сенатских ведомостях» печатаю объявление и продаю. Зачем мне залогом собирать, какой от них прок?

– А разве вы обязаны аукцион устраивать? – уточнила Надин. – Если у вас уже есть покупатель, который хочет за остаток стоимости залог выкупить, вы же имеете право это сделать?

– Формально к этому препятствий нет, только для нашего с вами дела какой резон за минимальную цену залогом отдавать и доходы уменьшать? – удивился Барусь. – Мы ведь с процентов живём.

Он не понимал!.. Надин казалось, что это так просто – всё лежит на поверхности, но собеседник так и смотрел на неё с недоумением. Пришлось объяснять:

– Я о том толкую, что, если должник проценты исправно выплачивал и долг гасил, только под конец не смог этого больше делать, залог ведь отходит к вам целиком и вы можете пойти навстречу своему компаньону, продав ему залог за цену, равную непогашенному остатку.

– И что же за залогом вас интересуют? – наконец-то догадался Барусь. – Имения, земля?

– Дома и городские усадьбы. Бывают у вас такие?

– Есть, конечно. В Москве один дом как раз под невозвращённый заём подпадает, выплаты уже на четыре месяца просрочены. Должник слёзно умолял меня продлить срок выплат ещё на месяц, отыгаться надеялся, да бесполезно это: игрок он конченный – всё спустил, неоткуда ему денег взять.

– Что за дом? – стараясь скрыть азарт, поинтересовалась Надин.

– Трёхэтажный особняк на Неглинной. Первый этаж – парадный, второй – жилой, а на третьем устроены комнаты для прислуги и детские.

Надин сама видела, как такие дома переделывают в доходные. Это казалось ей совсем несложным, и она уточнила:

– Много там денег требуется? Сколько не погашено?

– Ну, ваше сиятельство, угадали, – развел руками Барусь. – Там и впрямь три четверти займа выплатили – за две тысячи дом получить можно. Так что, возьмёте?

– Мы возвращаемся в Москву. Как только я приеду, то посмотрю дом и решу, буду покупать или нет, а вы мне из основного капитала вернёте ровно столько, сколько нужно внести за покупку и потратить на ремонт.

Барусь пообещал ей полное содействие, и Надин со спокойным сердцем уехала. Сегодня она собиралась осмотреть своё будущее владение. Осталось только тайком улизнуть из дома. Но как?.. Пока Надин это ещё не придумала...

От любящего взгляда Софьи Алексеевны не ускользнула озабоченность, написанная на лице дочери, но графиня решила, что та беспокоится о бабушке.

«Славная моя девочка, – умилилась мать. – Такая красавица, и сердце золотое, дай ей Бог счастья, как дал Верочке».

Нежданное замужество старшей дочери оказалось подарком Небес. Князь Платон Горчаков был знатен и богат, а главное, добр и благороден. Его младшего брата так же, как и Владимира, арестовали по делу о декабрьском восстании, и зять всем сердцем разделял беды Чернышёвых. Он сразу же предложил свою помощь, став опекуном двух младших сестёр своей жены, а теперь помогал вернуть поместья из их приданого, конфискованные вместе с имуществом арестованного брата. Но для Софьи Алексеевны решающим было то, что этот сильный и красивый человек искренне любил её Веру. Теперь бы ещё хорошего мужа для Надин!.. Ох, жаль, время уходит: надо бы вывозить девочку... Но как?.. Да хоть к Волконским сегодня отправить!

Как будто подслушав её мысли, Надин поинтересовалась:

– Княгиня Зизи дома? Вы у неё бываете?

Зинаида Волконская – старшая дочь хозяина соседнего дворца, известная поэтесса и певица – слыла в великосветских кругах образцом стиля, и вся Москва почитала за честь получить приглашение в её знаменитый салон на Тверской. Ну а Софья Алексеевна с Волконской просто дружила, и барышни Чернышёвы считались в соседнем дворце своими. Но теперь, из-за случившегося с сыном несчастья, графиня избегала общества, поэтому с грустью призналась:

– Зизи вернулась из поездки по имениям и уже начала принимать, но я к ней так и не выбралась. Не до гостей мне... Хочешь, загляни к ней сама, сообщи, что вы с бабушкой приехали.

Вот он – шанс! Мгновенно сообразив, что и как делать, Надин поинтересовалась:

– Можно мне повидаться с соседями, а потом съездить на Кузнецкий Мост за перчатками? Я в спешке забыла положить свои в сундук, и у меня теперь нет ни одной свежей пары.

– По магазинам – это без меня, – проворчала старая графиня, – пригласи сестру, и пусть горничная с вами поедет.

– И лакея возьмите, – напомнила Софья Алексеевна и, заметив в дверях столовой младшую дочку, ласково спросила: – Проснулась, милая? Надин собралась на Кузнецкий Мост. Хочешь с ней?

– Через час лорд Джон приедет, – напомнила Любочка.

Речь шла о визите знаменитого оперного баритона, обучавшего сестру вокалу. Любочка считала англичанина чуть ли не божеством, только что не молилась на него, и никак не могла допустить такого святотатства, как отмену занятий. Надин же, наоборот, взялась её уговаривать:

– Ну пропусти хоть один разок! Что ты словно привязанная к своему фортепьяно...

– Да что ты говоришь?! – перепугалась Любочка. – Лорд Джон – великий артист, он уделяет мне своё драгоценное время, а ты хочешь, чтобы я подвела его?

В голосе сестры звучало искреннее возмущение, и, чтобы не выдать себя, Надин опустила глаза. Пока всё шло как по нотам, она побеждала в своей маленькой домашней интриге:

– Ну, право, дорогая! – вмешалась мать. – Лорд Джон делает нам одолжение, занимаясь с Лив. Неужели ты этого не ценишь?

С видом оскорблённой королевы Надин соизволила уступить:

– Да ради бога! За перчатками я и одна съезжу. Стешу возьму, вот и вся компания.

Как же удачно всё складывалось! От Кузнецкого Моста до нужного номера дома на Неглинной было рукой подать. От горничной Надин легко отделается – придумает для Стешки какое-нибудь поручение, а лакея вроде бы случайно «забудет» дома. Ну а кучер никуда от лошадей не отойдет. Вот Надин и исчезнет на часок, а мать с бабушкой ничего об этом не узнают.

В спальне горничная развешивала отглаженные после сундуков платья. Надин окинула свои наряды взглядом и распорядилась:

– Стеша, давай-ка мне синее шёлковое. Да и сама одевайся. Сначала зайдем к соседям, а потом отправимся на Кузнецкий Мост.

– Как прикажете, – с готовностью отозвалась горничная и сняла с вешалки платье из ярко-синего шёлка.

Надин отлично знала, что именно в этом наряде её талия выглядит сказочно воздушной, а глаза становятся особенно яркими. Если покорять Москву, так во всеоружии! Надин покрутилась перед зеркалом – полюбовалась отраженной в нём очаровательной брюнеткой. Чуть поразмыслив, надела золотистую соломенную шляпку с маленькими полями. Секрет был в том, что на тулье красовалась гирлянда шёлковых васильков, перевитых светло-синими лентами. Сапфировые серьги – подарок матери на последний день рождения – стали завершающим штрихом в её столь обворожительном «ангельском» облике.

– Счастливой охоты, – пожелала себе Надин и взяла из рук горничной большую кашемировую шаль.

Стеша приготовила хозяйкины ридикюль и зонтик. Спросила:

– Что теперь, барышня?

– Навестим княгиню Волконскую. Я только поздороваюсь, а потом уедем.

Внизу уже ждала коляска. Кучер сидел на козлах, а молодой лакей ожидал хозяйку у дверей. Надин поднялась в экипаж, подождала, пока усядется Стеша, а потом обернулась к лакею:

– Фрол, ты мне не нужен. Лучше сходи пока в лавку за мылом. Возьми два куска лавандового и два розового. Пусть там на наш счёт запишут.

Лакей отправился исполнять поручение, а Надин велела кучеру подъехать к соседнему дворцу. Оставив горничную в вестибюле, она поспешила в личную гостиную хозяйки.

– Её сиятельство, графиня Чернышёва, – провозгласил слуга, открывая двери.

Надин шагнула в комнату, где кроме княгини Зинаиды – красивой большеглазой брюнетки слегка за тридцать – сидел молодой офицер-кавалергард. Оба поднялись навстречу гостье.

– Доброе утро, дорогая, – обрадовалась хозяйка. Она расцеловала Надин и с улыбкой кивнула на кавалергарда: – Позволь представить тебе моего друга – графа Дмитрия Николаевича Шереметева. Или вы уже знакомы?

– Я не имел этой чести, – явно смущаясь, откликнулся офицер. Он был ещё очень молод, старше восемнадцатилетней Надин, но года на три-четыре, не более, по меркам света – совсем мальчик. Однако в столице ходило немало разговоров об этом молодом человеке – единственном сыне крепостной актрисы и самого знаменитого мецената России, и вот теперь богатейший жених империи стоял перед Надин и взирал на неё с откровенным восторгом.

«Да это же перст судьбы! Вот вопрос и решён», – поняла Надин. Она тепло улыбнулась кавалергарду и сказала:

– Очень приятно, граф. Мы действительно не встречались, иначе я бы запомнила.

Глава третья

Поручение адмирала Грейга

Как можно всё это запомнить?! Дмитрий Ордынцев отшвырнул отчет управляющего ярославским имением. Почему у матери получалось держать в голове все эти цифры, а у него нет? Впрочем, других дел в Москве, кроме проверки дурацких отчетов, у него, к величайшему сожалению, до сих пор не было. А чем ещё, если не рутинным сложением цифр, можно было притушить ставшее уже привычным нетерпеливое ожидание?

Сомнения изводили его. Что пошло не так? Почему его помощник до сих пор не объявился? Этот вопрос возникал в голове всякий раз, как только Ордынцев отвлекался от цифр. Дело, порученное ему адмиралом Грейгом, находилось на той же стадии «догадок и предположений», что и месяц назад. Как ни крути, но вывод напрашивался однозначный – несмотря на всё своё рвение, Дмитрий так ничего и не сделал.

Адмирал Грейг был его командиром, а ещё – лучшим из лучших, образцом моряка, эталоном, до которого мечтал дорасти и сам Дмитрий. С того давнего дня, когда юный князь Ордынцев впервые приехал в Крым и увидел бескрайнюю бирюзовую гладь, переходящую где-то далеко в такое же бесконечное небо, он твёрдо знал, что станет моряком. С тех пор он шаг за шагом шёл к своей мечте: Морской кадетский корпус, служба в Кронштадте, два года волонтером в Королевском флоте Великобритании и, наконец, назначение в Севастополь. Этот молодой город стал для Дмитрия домом, а командующий Черноморским флотом адмирал Грейг сделался его учителем. Но самым замечательным было то, что на фрегате «Олимп», построенном на севастопольских верфях, Ордынцев стал капитаном.

До сих пор Дмитрий мог смело сказать, что он ни разу не подвёл своего командира. Грейг доверял ему самые деликатные дела. После получения известия о смерти в Таганроге императора Александра адмирал отправил в столицу именно Ордынцева. Время было смутное, Грейг тогда даже письмо не решился написать своему другу, графу Кочубею, всё передал на словах. Это стало проявлением высшего доверия к капитану Ордынцеву. Неужели теперь всё в прошлом? А ведь сначала ничто даже не предвещало такого поворота событий. Дмитрий вновь вспомнил то жаркое крымское утро и свой приватный разговор с адмиралом. Грейг вызвал его, протянул маленький, исписанный чётким почерком листок и предложил:

– Почитайте. Это – донесение от моего шпиона в Анапе. Я перевёл его для вас.

Ордынцев взял записку. Текст был коротким, всего несколько строк:

«В Одессу проследовал новый агент. Он встречался только с комендантом и уехал в сопровождении одного охранника. Увидеть агента не удалось. Скорее всего, он должен появиться в известном Вам доме».

Ожидая разъяснений, Дмитрий поднял глаза на командира, и тот сказал:

– Мой человек ещё ни разу не ошибся. С его помощью полгода назад нам удалось облачить турецкого агента-связника в Одессе. Он оказался богатым греческим купцом, у него есть лавка и гостиница на Итальянской улице. Мы не стали его арестовывать, но теперь внимательно следим за всеми его визитёрами. В гостинице, сменяя друг друга, проживают наши моряки, а приказчик из его лавки работает на нас. Но именно это донесение, как видно, пришло с опозданием, и обозначенный в нём человек либо не появился у нашего грека, либо уехал до того, как мы смогли его выявить. Надо признать, что за несколько месяцев наши люди так и не нашли ничего интересного, но позавчера кое-что случилось. Мы проследили до порта за личным слугой грека. При негласном обыске в зафрахтованной им каюте был обнаружен подробный отчёт о севастопольских верфях, заложенных и готовых к спуску кораблях и о береговых бастионах.

– Даже так? – поразился Дмитрий.

– Эти данные можно получить здесь на месте, в столичном Адмиралтействе или в канцелярии новороссийского генерал-губернатора. Я проверил – все наши экземпляры этих документов находятся под замком в архиве моего кабинета. То, что мы перехватили, – это даже не копии, а подлинники, отправленные в столицу или Одессу, ведь я узнал руку моих писарей. Вот это, Дмитрий Николаевич, и станет вашим новым заданием. Я хочу, чтобы вы нашли шпиона.

– Слушаюсь, – ответил Ордынцев и уточнил: – С кем я буду взаимодействовать?

– В порту Одессы стоит шхуна «Святой Николай» – это штаб нашей команды. Командир корабля – капитан Филиппов. Зовут его Александр Данилович. Он введёт вас в курс дела. Принимайте командование. Нужно будет выехать в столицу – выезжайте. Рапорты будете отправлять лично мне. Я не стал бы снимать вас с корабля по менее важному поводу, но сейчас у меня нет выбора. Шлюп ждёт вас в порту, отправляйтесь и приступайте к делу, дай вам Бог удачи.

На обычно спокойном лице Грейга проступило волнение, и стало ясно, насколько адмирал озабочен. Ордынцев не стал давать своему командиру никаких обещаний, это было бы лишним, даже фальшивым. Он откланялся и, не заехав за вещами, поскольку в Одессе собирался жить в собственном доме, отправился на причал. Капитан ждал только его, и шлюп сразу же вышел в море. Стоя на корме, Ордынцев мысленно простился с бухтой Севастополя и вдруг подумал, что теперь, после смерти отца и отъезда матери, только здесь и живут люди, которым есть до него дело.

Он нежно любил отца – тонкого, образованнейшего человека, знатока искусства, а мать свою просто боготворил. В этом чувстве смешались нежность и восхищение: Татьяна Максимовна была на редкость хороша собой и при этом необыкновенно умна, а уж её знаменитая деловая хватка давно обросла легендами. Единственной наследнице заводчиков Лужениных ещё десять лет назад принадлежала половина Южного Урала, и, хотя в дальнейшем её оружейные заводы за баснословные деньги выкупила казна, княгиня очень жалела, что больше не занимается ни железом, ни оружием.

Родители всегда казались сыну дружной парой, и когда отец скоропостижно скончался, подхватив на раскопках крымского Херсонеса ту самую гнилую лихорадку, что в ноябре двадцать пятого года забрала жизнь императора Александра, мать так и не смогла с этим смириться. Она попробовала забыться в делах, но это у неё не получилось, начала ездить по монастырям и церквям, одаривая их без разбора, но и это не помогло. Как ни странно, облегчение своим душевным мукам княгиня нашла в католической общине Петербурга. Дмитрий, не вдаваясь в религиозные тонкости, тогда обрадовался, что мать хоть чуть-чуть приободрилась.

Но за всё в жизни нужно платить: Татьяна Максимовна, со свойственной ей решимостью доводить дело до логического завершения, приняла твёрдое решение принять католическое крещение. Двором это не только порицалось, но и преследовалось. Прослышав от новых единоверцев, что у государя всюду обсуждается идея о лишении новообращённых католиков их имущества в Российской империи, княгиня Ордынцева на всякий случай подарила все свои огромные богатства сыну. Добавленное к отцовскому наследству состояние матери сделало Дмитрия одним из самых богатых людей страны, но и сильно осложнило его жизнь. Ведь сама Татьяна Максимовна отбыла в сердце католицизма – Рим, и уже не собиралась возвращаться домой, а её сыну теперь приходилось разрываться между службой и надзором за семейными поместьями.

Стоя на палубе идущего в Одессу корабля, Дмитрий прикинул, что уже, наверно, запустил дела, и пообещал себе быстренько разобраться с этой шпионской историей и взять отпуск. Вопросов по имениям накопилось предостаточно, и, хотя подобные обещания он давал себе уже не впервые, на душе стало легче, и Ордынцев попытался сосредоточиться на задании. Где же искать шпиона? В окружении генерал-губернатора Воронцова или в Адмиралтействе? Впрочем, в любом случае начинать придётся с Одессы.

На закате дня шлюп пришвартовался в пёстром, многоязычном одесском порту. Не прошло и получаса, как Ордынцев поднялся на палубу неприметной торговой шхуны «Святой Николай» и попросил о встрече с её капитаном. Филиппов – с виду обычный плутоватый хозяин торгового судна – прочитал письмо адмирала и, поняв, с кем имеет дело, сразу подтянулся, обернувшись собранным и жестким.

– Добро пожаловать! Я рад, что вы возглавите операцию, – признался он. – Может, у нас взгляд замылился, или я что-то недопонимаю. Нам явно нужен свежий ум.

– Вы расскажите мне, пожалуйста, об этом греке, – попросил Ордынцев.

Лицо его собеседника стало сосредоточенным, как у школяра, вспоминающего урок. Может, это сравнение и не слишком подходило морскому волку, но рассказ его оказался чётким и подробным:

– Зовут агента Аристотель Сефиридис. Он приехал сюда лет десять назад из Константинополя, похоже, что с большими деньгами. По крайней мере, он сразу купил гостиницу и лавку на Итальянской улице. Мы наблюдаем за Сефиридисом более полугода, всех подозрительных людей, имеющих с ним встречи, мы отслеживаем и негласно обыскиваем их жилище и вещи. До сих пор ничего интересного не находили, я уже хотел написать адмиралу рапорт, что пора сворачивать операцию, как случилась позавчерашняя находка. Судно, на котором собирался плыть лакей Сефиридиса, зафрахтовали до Анапы. Мы команду арестовали, а корабль вывели из гавани, чтобы агент ни о чем не догадался, а потом пустили слух о шторме и кораблекрушении. Естественно, что на самом деле судно отогнали в Севастополь, с ним увезли и арестованных. К сожалению, слуга Сефиридиса не знает ничего, кроме адреса анапского связника. О моряках и говорить нечего – обычные контрабандисты. Так что, как ни печально, но нам выпал пустой номер. Удачей считаю то, что пока мы себя не рассекретили, но как выйти через Сефиридиса на шпиона, я совершенно не представляю.

– А с кем встречался этот грек в дни, предшествующие отъезду своего слуги? – уточнил Дмитрий.

– Он же купец – у него множество встреч, – расстроено заметил Филиппов. – У нас всё записано по минутам за каждый день. Вот списки за последний месяц, смотрите сами.

Он достал из привинченного к стене железного ящика плоскую коробку. В ней лежала похожая на увесистый кирпич стопка аккуратно исписанных листов. Филиппов протянул коробку собеседнику и предложил:

– Занимайте мою каюту, а я пойду спать к помощнику.

– Спасибо, но у меня здесь – собственный дом на Софиевской улице, я буду жить там. Приглашаю и вас погостить у меня, можете взять всех, кого считаете нужным. Дом большой, места хватит.

– Бойтесь, что я не позволю забрать с собой отчеты? – догадался Филиппов. – В этом вы правы, бумаги находятся там же, где и я.

– В любом случае приглашение остаётся в силе, – усмехнулся Дмитрий. Ничего не скажешь, новый знакомый и впрямь соображал быстро.

Филиппов не стал раздумывать, он захлопнул драгоценную коробку и объявил:

– Хорошо, я поеду с вами, но больше никого не возьму. Утром вернусь на корабль: не станем менять устоявшихся отношений в команде. Кстати, давайте уж по-флотски – без отчеств.

– Согласен, – кивнул Дмитрий.

Он подождал, пока напарник в очередной раз сменит обличье (Филиппов преобразился во франта), и уже через полчаса они прибыли на Софиевскую улицу.

Хоть их и не ждали, но ванны им приготовили, а там и ужин подоспел. Филиппов отправился отсыпаться, а Дмитрий взял отчеты и попытался хоть что-то из них выжать. Через пару часов он понял, что анализ завел его в тупик: встреч у грека оказалось так много, что выявить

в них какую-то закономерность было невозможно. Нет, так дело не пойдет! Нужно задать хоть какие-то точки отсчета по времени, отсесть лишнее.

Слугу арестовали позавчера. Если донесение привезли из столицы или передали агенту в Одессе, то Сефиридису опасно хранить такие бумаги дома. Грек должен был от них избавиться, но поездку слуги следовало подготовить, на это могло уйти до трех дней. Значит, нужно смотреть встречи купца максимум за неделю до ареста его слуги, а ещё точнее, дня за четыре, ну, может быть, пять.

Решив проверить свою идею, Ордынцев отобрал листки с нужными датами и начал проверять перечисленных там людей. Но ничего, выбивавшегося из рамок обычного, в списках не оказалось, там по-прежнему мелькали имена одесских купцов, постояльцев гостиницы, крестьян из окрестных деревень. Пожалуй, все встречи Сефиридиса с жителями Одессы, не имевшими доступа в окружение генерал-губернатора, можно было и отбросить. Лучше сосредоточиться на персонах, вхожих в высшее общество или имевших там знакомства, ну и на жильцах гостиницы, если считать, что сведения переправлены из Адмиралтейства. Это выглядело уже разумнее: постояльцы находились под присмотром, ведь в гостинице уже полгода проживали люди из команды Филиппова. Решив, что утром он уточнит у нового товарища фамилии его людей и тогда список сомнительных персон совсем сократится, Дмитрий собрался спать. Погасив свечи, он распахнул окно в благоуханную южную ночь и, взглянув через сад на тёмную громаду соседнего дворца, пожелал себе только одного – чтобы всё осталось по-прежнему и молодая хозяйка этого дома не вздумала бы утром появиться в Одессе.

Глава четвёртая

Ольга Потоцкая

Утро в Одессе! Вот уж где оно всегда бывает ранним и шумным. Солнце ещё только показало свой алый краешек над гладью моря, а резкие крики возниц и шум экипажей за открытым настежь окном беспардонно прогнали сон Ордынцева. Он открыл глаза и прислушался. Шум становился всё сильнее, казалось, что колёса стучат по брусчатке прямо у крыльца, но это было невозможно, ведь дом отделял от улицы розарий, а его решётку Дмитрий самолично замкнул на ночь цепью. Странно!..

Ордынцев шагнул к окну и отогнул занавеску. Шум доносился со двора соседней усадьбы: у крыльца стояла запряжённая гнедой парой лаковая коляска, а в широко распахнутые ворота одна за другой въезжали нагруженные сундуками подводы. Дмитрий мысленно чертыхнулся. «Не повезло», – констатировал он. Ольга его как будто чуяла: стоило князю Ордынцеву покинуть гарнизон, как она сразу же оказывалась рядом.

Ольгу Потоцкую он знал с тех самых пор, когда впервые приехал в крымское поместье своей матери, Кореиз. Потоцкие оказались владельцами соседнего имения Мисхор, и, хотя мать этого знатного семейства княгиня Софья Константиновна, имевшая в свете сомнительную славу и прозвище Прекрасной гречанки, не нравилась Татьяне Ордынцевой, мать всё же позволила Дмитрию сойтись покороче с этим гордым и богатым семейством. Успокаивая себя тем, что выбирать не из кого, Татьяна Максимовна принимала соседей у себя, иногда ездила к ним и часто отпускала в Мисхор Дмитрия – повидаться с друзьями.

Там четырнадцатилетнего князя Ордынцева ждали совсем юные, но уже прекрасные, как белый день, княжны Потоцкие. Одиннадцатилетняя София гордым нравом и преданностью Польше сильно напоминала своего отца – крупнейшего польского магната, а десятилетняя Ольга сокрушительным обаянием и полным пренебрежением к нормам морали пошла в мать.

В то первое лето подросток так и не сумел выбрать, какая же из сестёр лучше. Ему нравились обе. Не смог он разобраться в своих чувствах и семь лет спустя, когда вернулся из Англии и впервые за многие годы появился в Крыму.

Тогда мать дала ему короткий совет:

– Не питай иллюзий относительно княжон Потоцких: ни одна из них не принесёт своему мужу счастья.

– Почему, мама? – удивился Дмитрий.

– София слишком горда и будет плохой женой, а Ольга любит только саму себя, но крутить мужчинами умеет отлично, попомни мое слово – через несколько лет она затмит свою мать по количеству и скандальности любовных приключений.

Совет матери Дмитрий услышал, но противостоять очарованию роскошных черноглазых красоток не смог. Он так бы и метался, не зная кого выбрать, если бы сёстры не решили всё сами: старшая вышла замуж за героя войны генерала Киселёва, а Дмитрий, как спелое яблоко, упал в цепкие руки младшей.

Ольга не рассматривала князя Ордынцева в качестве претендента в мужа – слишком мала была разница в их возрасте, да и вся карьера у Дмитрия была ещё впереди, а при всём своём очаровании младшая Потоцкая замечала лишь тех, кого считала «важными». Дело было в другом: он просто ей нравился. Ольга даже поссорилась с матерью, захотевшей отказать Ордынцеву от дома, когда тот зачастил в Одессу.

Состарившаяся Прекрасная гречанка не смогла противостоять сильной молодой дочке. Видно, силы были на исходе, или уже дала себя знать болезнь, которая вскоре свела её в могилу, только княгиня оставила всё как есть, и молодёжь наслаждалась полным очарования и флирта

летом. Они даже не стали выяснять отношений, когда осенью мать увезла Ольгу за границу, так и не выбрав ей достойного жениха. Занятый службой, Дмитрий быстро утешился и не вспоминал о подруге, пока год спустя не получил письмо с сообщением, что его мать приобрела у Ольги полученный ею в наследство дом в Одессе. Дворец Потоцких на улице, названной в честь уже покойной Прекрасной гречанки, отошёл старшей из дочерей, и сёстры решили, что будут жить вместе, а соседний дом продадут. Татьяна Максимовна писала:

«Митя, ты стал взрослым, но, помня твои детские увлечения, прошу, когда будешь останавливаться в новом одесском доме, не попадись на старую наживку. Ольга, похоже, уже перецеголяла свою мать, поскольку при дворе вовсю обсуждают её отношения с собственным зятем. Все очень жалеют бедную Софию, а генерала Киселёва за эту связь корят».

Почему-то Дмитрий сразу уверовал в эту историю, Ольга просто не могла отказать себе ни в одной прихоти, да и беднягу-генерала он понимал – сам ведь долго метался между сёстрами, не в силах выбрать. Поэтому Дмитрий не удивился, когда до него дошли слухи о том, что новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов и его супруга лично подыскали жениха для младшей Потоцкой, дабы сохранить мир в одной из знатнейших семей Одессы. Ольга стала княгиней Нарышкиной и родственницей Воронцовых и теперь была признанной звездой пёстрого общества, кочевавшего между Одессой и поместьями на Южном берегу Крыма. Капитана Ордынцева новоявленная княгиня окончательно завоевала именно в Мисхоре. Это имение отошло ей по завещанию матери, и когда Дмитрий приехал в свой Кореиз, он с удивлением обнаружил, что много лет пустовавшее соседнее поместье вновь стало обитаемым. Решив утром пройтись, он неожиданно узрел вереницу экипажей, катящих вдоль моря. Ордынцев узнал многих сослуживцев по флоту, были там и его приятели из Одессы.

– Дмитрий, откуда? Ты здесь живешь? – засыпали его вопросами.

Он объяснил, что ближайшее имение принадлежит его матери, а сам он сюда иногда наведывается из Севастополя, чтобы отдохнуть от службы.

– Князь, присоединяйтесь к нам, мы все будем очень рады, – услышал он знакомый низкий голос и поднял глаза.

Совершенно неотразимая, Ольга призывно улыбнулась ему из-под кружевного зонтика. Теперь она стала раскованной и опасной, грешные страсти полыхали в её чёрных глазищах. Ольга вела пустой светский разговор, а её взгляд при этом сулил райское блаженство. Кто бы смог устоять?.. Через несколько часов Дмитрий оказался в Ольгиной постели, и эта ночь одарила его такими радостями, что он уже и не помышлял от них отказываться.

От этого адюльтера Ордынцева спасло море. Он ушел со своим «Олимпом» в рейд вдоль турецких берегов Кавказа. Это хорошо его встряхнуло, с тех пор Дмитрий старался лишней раз не появляться в Одессе, а в Кореиз приезжал без огласки, боясь вновь потерять волю в постели своей прежней подруги. До Севастополя дошли слухи, будто Ольга начала обхаживать генерал-губернатора, как видно, ей вновь не давал покоя «важный» мужчина, принадлежавший другой женщине. Ордынцев тогда порадовался, что сам не попал в скандальную историю. Вчера он так надеялся, что княгини Нарышкина не появится в Одессе. Не получилось! Высокую фигуру с великолепными покатыми плечами нельзя было спутать ни с чьей другой – Ольга, собственной персоной, стояла на крыльце дворца Потоцких, громко командуя прислугой.

«Дело – дрянь, – оценил Дмитрий. – Филиппову нельзя здесь оставаться». Всё осложнялось тем, что Ольга никогда бы не приехала в Одессу одна. Её появление здесь означало лишь то, что в город прибыл генерал-губернатор, обычно проживавший в Крыму. Скоро здесь станет тесно от наплыва чиновников, приближённых Воронцова и его прихлебателей, кочующих вслед за всемогущим графом по Новороссии и Бессарабии.

«Может, это и неплохо, – задумался Ордынцев. – Чиновники приедут в город, и я смогу сам присмотреться к окружению генерал-губернатора. Ольга сразу же потащит меня на приёмы, она ещё ни разу в жизни не отказалась от лишнего кавалера. Правда, тогда мне придётся

изображать мальчика на побегушках или комнатную собачку, но ради дела можно и потерпеть».

Решив, что так рано будить Филиппова не стоит, да и самому можно ещё поспать, Ордынцев снова лёг в постель. Но уснуть не удалось. Дмитрий поднялся, вынул из коробки вчерашние бумаги и принялся составлять список фамилий, которые хотел обсудить со своим новым товарищем. Кое-что у него уже вытанцовывалось.

«Ничего, справимся как-нибудь», – написав последнее имя, пообещал себе Ордынцев.

Вот только отпустить из дома Филиппова было почему-то жалко.

Филиппов вполне предсказуемо засобиравшись на шхуну и согласился задержаться лишь на полчаса, чтобы кратко обсудить соображения по гостям Сефиридидиса. Дмитрий разложил отчеты на столе так, как распределил их ночью, и начал свой рассказ:

– Я определил ваших людей. Их четверо, они живут по паре недель, потом съезжают, уступая место друг другу.

Ордынцев протянул товарищу листочек с четырьмя фамилиями.

– Точно, – хмыкнул Филиппов, – плохие мы конспираторы, если нас так легко выявить.

– Если знать, что искать, всегда найдёшь!

– А что ещё вы из моих бумаг смогли вытащить?

Дмитрий попытался изложить свои умозаключения:

– Я решил отбросить всех местных, не входящих в окружение генерал-губернатора, и для начала сосредоточиться на чиновниках и приближенных Воронцова, а также на постояльцах гостиницы, да и по времени ограничиться последней неделей перед обнаружением донесения. Теперь, когда я точно знаю ваших офицеров и изучил отчёты об обыске номеров, у меня остались лишь две сомнительные фигуры: начальник канцелярии генерал-губернатора граф Булгари и постоялец гостиницы Алан Гедоев. Первый дважды посещал Сефиридидиса в его лавке. С чего он туда зачастил?

– Как сообщил нам приказчик, он оба раза покупал отрезки шёлка. Один раз для графини Воронцовой, а второй – для княгини Нарышкиной.

– Это может оказаться только предлогом, – отозвался Дмитрий. – Но важного чиновника я предлагаю оставить на потом – постараюсь сам незаметно понаблюдать за ним. Поговорим о втором подозреваемом. Возможно, что мы имеем дело с посыльным, доставившим донесение из Адмиралтейства. Тогда посыльный должен представляться торговцем или ямщиком, в любом случае ему нужен какой-то предлог для путешествия, а я не понимаю, кем считать этого Гедоева, ведь в отчёте есть запись об обыске его повозки, но нет ни слова об обыске в его номере. Кто этот человек?

– Он не снимал комнаты. Гедоев – всего лишь бедный странствующий торговец, он спал в своей кибитке на конюшне. Её-то мы и обыскивали, когда он уходил в город, – вспомнил Филиппов.

– С номером понятно, но и на торговца этот Гедоев не похож... – продолжал рассуждать Ордынцев. – Где же его товар? В описи перечислена какая-то ерунда: бусы, два мотка лент, пара женских шалей – и всё. Чем же он торгует?

– Может, уже расторговался?

– Возможно, но почему тогда он не закупил товар на обратный путь?

– Хочет в Одессе взять. В порту полно контрабанды, я сам видел, – объяснил Филиппов.

– Нужно ещё раз посмотреть его вещи. Как, сможем?

– Да, сегодня же и обыщем. Пойдёмте на корабль, вызовем моих людей и поговорим с ними.

Так они и сделали. В порту своего командира уже ждали трое участвующих в операции подчиненных. Филиппов познакомил их с Дмитрием и спросил самого старшего из моряков – высокого здоровяка со звучной фамилией Закутайло:

– Павло, ведь кибитку этого Гедоева обыскивал ты?

– Я, – откликнулся Закутайло, поднимаясь во весь свой богатырский рост. – А что?

– Надо бы её снова посмотреть. Товар-то он уже купил?

– Один кусок шёлка в лавке Сефиридиса взял, больше ничего не покупал, но он к отъезду готовится – лошадь к кузнецу водил.

Дмитрий со значением посмотрел на Филиппова, и тот распорядился:

– Павло, ты обыскиваешь кибитку, а остальные следят за этим Аланом.

– Я тоже помогу с обыском, – вмешался Ордынцев.

Филиппов кивнул, и вся команда отправилась в гостиницу на Итальянской улице.

Сыщикам повезло: Гедоева в конюшне не оказалось. Его лошадь тоже отсутствовала, но повозка стояла на месте. Двое моряков выдвинулись в противоположные концы улицы, чтобы не пропустить возвращение постояльца, а Закутайло и Дмитрий взялись за обыск. Товара у странного купца действительно почти не было. По сравнению с описью вещей, сделанной при предыдущем обыске, прибавился только кусок алого шёлка.

– Глядеть не на что, – раздражённо отметил Закутайло, – понятно, почему он номер не заказывал. Гольтьба!

Дмитрий молча осматривал почти пустую кибитку. Он приподнял кусок шёлка, потом потряс его – среди складок материи тайников не оказалось. Несколько линялых шалей даже сложно было считать товаром, настолько они были плохонькими.

– Может, мы чего-то не замечаем? – пробормотал Ордынцев.

Он ещё раз окинул взглядом полог кибитки – ничего, за что мог зацепиться взгляд, не просматривалось. Дмитрий спрыгнул на землю и стал разглядывать повозку. Та выглядела обычной подводой с прибитыми с трех сторон деревянными бортами, к которым крепились дуги для парусиновой крыши. Повозку давно не красили, она уже начала облезать, краска осыпалась на углах и железных скобах, прежде покрашенных вместе с деревом. Шляпки плотно набитых гвоздей чётким пунктиром окаймляли все борта.

– Павел, смотрите, сколько тут крепежа, – подзвал своего нового помощника Ордынцев. – Такое впечатление, что основание повозки сделано из толстого бруса, а боковины прибиты гвоздями как раз на всю его высоту. Только зачем такое творить – повозка будет тяжелой, и лошадям лишний груз...

– А ведь верно, – тут же насторожился Закутайло, – в здравом уме никто такое не сделает, а доски набиты так, что про эти брусья невозможно догадаться, если заглянуть только внутрь кибитки. Похоже, что мы имеем дело с двойным дном!

Они, не сговариваясь, забрались в повозку и принялись выстукивать её дно и бока. Теперь они уже знали, что ищут, и быстро обнаружили со стороны оглобель выдвигающиеся доски. Когда их сняли, стало понятно, что на самом деле торговец уже полностью закупил свой товар: в тайнике лежали аккуратно завернутые в куски холста свёртки, и довершала картину пара новых мягких кожаных сапог без каблуков. Такие сапоги-ичиги носили многие кавказцы, непонятно было лишь то, зачем эту обувь горских воинов спрятали в тайник.

Дмитрий взялся за ичиги. Сапоги оказались на удивление тяжёлыми. Он перевернул странную обувь и потряс. Глухо звякнув, на дно тайника упали два внушительных кошель и тёмные деревянные чётки с пушистой шёлковой кисточкой.

– Не так-то он и беден, – заключил Ордынцев, развязывая тесемки первого мешка. Там лежало множество золотых червонцев.

– Да, не так-то он и прост, – поддакнул Закутайло, показывая полный золота второй кошель.

Дмитрий успел лишь кивнуть, поскольку в дверь конюшни заглянул оставленный на страже офицер.

– Скорее! Гедоев верхом едет, через пару минут будет здесь! – крикнул моряк и исчез.

– Закрываем! – распорядился Дмитрий.

Он затянул тесёмки обоих кошель, сунул их и чётки в сапоги и положил ичиги на прежнее место, но Закутайло всё-таки успел развернуть один из полотняных свёртков.

– Гашиш, – коротко объявил он.

– Кладите на место, уходим!

Закутайло молниеносно сунул свёрток обратно и задвинул одну из досок, Дмитрий пристроил в паз другую, они в последний раз оглядели кибитку и вышли из конюшни. Моряки даже успели подняться на крыльцо гостиницы, когда во дворе появился верховой. Стараясь не выдать своего интереса, Ордынцев искоса поглядывал на кибиточника. Внешность у того оказалась самой невзрачной: мужчина был маленьким, щуплым, смуглым, как арап, с совершенно заурядным горбоносым лицом. Он явно спешил с отъездом. Пришлось морякам всё решать на ходу:

– Ну, Павел, придётся вам ехать вместе с этим контрабандистом и следить за ним в дороге. Только какую легенду нам для этого придумать?

– Да всё просто: если он – наш столичный связной, ему Москвы не миновать. На больших дорогах сейчас опасно. Торговцы поодиночке не ездят, все в обозы сбиваются. Вот и я объявлю, что собираю компанию до Первопрестольной. Обязательно две-три подводы найдутся, с одной из них я и поеду, словно заказчик.

– Тогда я стану ждать вас в Москве, – сообразил Дмитрий. – Я возьму почтовых, выгадаю на этом дней десять. Думаю, что, пока вы доберётесь до Киева, мне вполне хватит времени присмотреться к начальнику губернской канцелярии в Одессе, а там уж и я пушусь вдогонку.

– Разумно, – согласился новый помощник, – так и сделаем.

Вечером вся компания собралась на шхуне, и Закутайло доложил, что сбил обоз из четырёх подвод, и так громко обсуждал в гостинице путешествие до Москвы, что Алан Гедоев сам попросился ехать вместе. Ордынцев написал Павлу адрес своего московского дома и заметил:

– Надеюсь, что мы всё рассчитали правильно, и я, закруглив дела в Одессе, буду ждать вас уже с окончательным вердиктом по нашему шпиону.

Они простились. Закутайло уехал, а Дмитрий отправился на поиски графа Булгари. Но здесь его ждало разочарование. Быстро выяснилось, что чиновник по указанию своего начальника отбыл в Петербург. Оставалось одно – надеяться, что Булгари рано или поздно появится рядом с новороссийским генерал-губернатором, а граф Воронцов никак не мог пропустить коронационные торжества. Решив ловить начальника и его подчинённого в Москве, Дмитрий выехал в Первопрестольную. Но удача как будто покинула его: в Москве не оказалось ни Булгари, ни Воронцова, Закутайло тоже опаздывал.

Дмитрий так измаялся от вынужденного безделья – чуть ли не волком выл, пока не придумал себе занятие с проверкой счетов. Теперь он занимался этим каждый божий день. Нынче к полудню сложение с вычитанием ему окончательно осточертели, он захлопнул гроссбухи и решил перекусить. Французский ресторан «Яр», открывшийся недавно прямо на углу его улицы, показался Ордынцеву самым подходящим для этого местом.

Невыносимая жара, изнурявшая обе российские столицы последние две недели, начала спадать, и влетевший в окно нежный ветерок ласково обдувал лицо. Прогулка обещала стать даже приятной. Решив не портить себе настроение бесплодными терзаниями, Дмитрий дошёл до ресторана, занял столик у окна и, с толком покопавшись в меню, сделал заказ. За бокалом красного вина он всё-таки не удержался и принялся в очередной раз мысленно просчитывать, сколько же дней пути от Киева до Москвы, но рядом с ним зашуршали шёлковые юбки, и томный грудной голос сообщил:

– Я заехала к тебе домой. Служанка рассказала, куда ты пошёл. Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

Наверное, это и называется верхом невезения! Дмитрий поднял глаза. Сияя царственной улыбкой, на него сверху вниз взидала княгиня Ольга. Тонкая рука в кружевной перчатке легла на его запястье, и Дмитрию вдруг отчего-то вспомнились кандалы...

Глава пятая

Два дома на Неглинной

– Кружевные перчатки!.. Поймите, мне нужны сплошь кружевные, а не со вставками, – втолковывала Надин уставшему приказчику.

Бедняга с вымученной улыбкой стоял над кучей самых разномастных перчаток. В ответ на последнюю фразу он лишь развел руками:

– Ваше сиятельство, я вынес уже всё, что было, больше у нас ничего нет.

– Ну, как же так? – раскапризничалась Надин. – Мы с сёстрами всегда находили у вас нужные вещи, а сейчас вы говорите мне «нет».

– Так ведь коронация, ваше сиятельство! Господа прибывают, им к празднествам одеться нужно-с. Вот и разобрали товар.

– Вас я понимаю, а мне что прикажете делать? – возмущение в голосе Надин завибрировало с опасным накалом.

– Те две пары, что вы изволили первыми посмотреть, только они кружевные и есть, – в очередной раз повторил приказчик. – Может, ещё раз глянете?

Надин скептически пожала плечами и фыркнула:

– Они совсем серые! Что я с ними делать буду?

– Так ведь это с того, что давно лежат. Запылились... Их только постирать нужно, вот и всё, – распинался приказчик.

Слава тебе господи! Сообразил наконец... Только этого Надин и добивалась. Теперь она могла оставить горничную в лавке, а сама под благовидным предлогом исчезнуть.

– Коли ваша прачка сделает так, что перчатки станут белыми, я их возьму, – заявила Надин. – Стирайте! Моя горничная подождёт здесь, а я сама посижу в соседней кондитерской.

– Как будет угодно вашему сиятельству, – засуетился приказчик.

Надин вышла за дверь. План её удался как нельзя лучше: кучер, оберегая лошадей, поставил их в тени лип, зажатых между соседними магазинами, и сейчас подрёмывал, разморённый жарой. Надин дошла до ресторана «Яр» и, свернув на Неглинную, принялась искать нужный дом. Тот оказался третьим от угла. Здание выглядело солидным и довольно новым, скорее всего, его отстроили после пожара двенадцатого года. Трёхэтажное, оно не имело ни колонн, ни портика, только над крыльцом и широкими резными дверями красовался изящный навес с множеством чугунных завитков.

Интересно, где здесь лестница? Если посередине – то можно сделать шесть квартир, по две на каждом этаже, а если сбоку – тогда придётся на месте крайнего окна пробивать дверь и делать два парадных. С этим вопросом хотелось бы разобраться сразу, и Надин взялась за дверной молоток. Стук эхом отозвался в глубине дома, но открывать непрошеной гостье не спешили. Стоять одной на чужом крыльце было опасно: молодых графинь Чернышёвых в Москве знали слишком многие, сплетни разнеслись бы мгновенно. Наконец за дверью раздались шаркающие шаги, потом послышалось недовольное брюзжание, следом звук открываемого замка. Дверь приоткрылась, за ней маячил высокий старик в старой ливрее. Подслеповато шурясь, он спросил:

– Вам кого?

– Барина, – объявила Надин. Что она будет говорить, когда её проводят к хозяину дома, Надин ещё не решила. Понадеялась на авось.

Присутствие незнакомки лакея ничуть не удивило. Он лишь спросил:

– Вы барина внизу дожидаться будете или сами к нему пойдете?

– Сама пойду.

Возможность посмотреть дом обрадовала Надин, и только потом она поняла, что старик принял её за даму легкого поведения. «Да и ладно», – успокоила она себя.

Слуга вручил госте свечу в крохотном оловянном подсвечнике, а сам зашаркал к одному из двух расходящихся от вестибюля коридоров. Надин осмотрелась. В вестибюле лестницы не было. Осторожно заглядывая в комнаты, она прошла по первому этажу. Увиденное её порадовало: здесь могла получиться хорошая квартира в семь комнат с кухней. Лестница на верхние этажи нашлась в самом конце коридора.

«Отличная планировка! Будет три большие квартиры на два парадных», – обрадовалась Надин. Легко ступая, она поднялась наверх. Опасаясь встречи с хозяином, юная авантюристка даже не стала заглядывать в комнаты, только посчитала двери и поняла, что все три квартиры будут большими, а значит, и дорогими. Закончив осмотр, Надин выскользнула на улицу. Она уже хотела сойти с крыльца, когда заметила идущих под руку мужчину и женщину. Дама была высокой и очень красивой брюнеткой, одетой изящно и дорого. Томно клонясь к плечу своего кавалера, она что-то увлечённо рассказывала.

Надин так заинтересовалась незнакомкой, что даже не обратила внимания на её спутника и вдруг, словно на обнажённый кинжал, напоролась на острый взгляд чёрных глаз. «Боже милостивый! Только этого и не хватало», – перепугалась она, узнав глаза-вишни и светлые кудри, а уж имя этого наглеца она теперь помнила наизусть. Надо же было встретить именно Ордынцева!

Но в минуты опасности Надин соображала мгновенно. Вот и сейчас она нашла выход из положения: опустила голову, скрыв лицо за полями шляпки, и сбежала по боковым ступенькам крыльца, чтобы обойти парочку вдоль стены. Так, не поднимая глаз, она спешно покинула Неглинную и свернула на Кузнецкий Мост, ещё пара минут – и Надин проскользнула в лавку перчаточника.

– Надеюсь, что всё готово? – спросила она у приказчика, разложившего перед Стешей две пары отстиранных и выглаженных кружевных перчаток.

– Беленькие, как снег, барышня! Совсем не видно, что постиранные, – доложила горничная.

– Посмотрим!

Остальное заняло несколько минут: Надин покапризничала, попридиралась и заставила приказчика уступить в цене, а потом чрезвычайно довольная отправилась домой. На Неглинной она ещё раз внимательно оглядела выбранный дом и улыбнулась своим мыслям. Дай бог, чтобы этот особняк стал её первым, но не единственным выгодным приобретением. Вот только воспоминание об опасной встрече портило настроение.

«Ордынцев был так увлечён своей блистательной спутницей, что навряд ли заинтересовался одинокой девушкой, прошмыгнувшей мимо», – успокоила себя Надин.

Ей очень хотелось в это верить.

Верь, не верь – факт всё равно остается фактом. Ордынцев собственными глазами видел красавицу Надин, выскользнувшую из дверей соседнего дома. Оказывается, графиня Чернышёва бежит тайком к беспробудному пьянице и игроку Коковцеву! Дмитрий знал соседа с детства и глубоко его презирал. Коковцев давно погряз во всевозможных пороках и даже не скрывал свою тягу к извращённым плотским забавам. Этот мерзавец не раз хвастался, что покупает себе не только замужних аристократок, но и девиц из хороших семей. Похоже, что и Надин была из их числа. Ордынцеву стало противно.

Брезгливость оказалась весьма противным чувством, во рту даже появился привкус горечи, а потом горько стало на душе... Дмитрий даже на себя рассердился. Ну, что это за переживания? Ещё не хватало думать о чужой и малоприятной девице. Отгоняя дурацкие мысли, он тряхнул головой. Сейчас его должна занимать только Ольга.

Ордынцев уселся на подоконнике в гостиной своего дома, а княгиня Нарышкина удобно расположилась на диване. Она хвасталась своими успехами. Определив Дмитрия на роль покорного слушателя, гостя заливалась соловьём:

– Мой муж Лев – второе по влиянию лицо в крае после генерал-губернатора. Все считают за честь попасть на мои рауты, но я принимаю лишь избранных.

Дмитрий насторожился. Может, зацепиться за эту фразу? Попробовал закинуть удочку:

– А мне говорили, что самый влиятельный человек после графа Воронцова – начальник его канцелярии Булгари.

Ольга наживку проглотила.

– Кому интересен этот глупый боров? – капризно фыркнула она. – У него мозги жиром заплыли. Если бы не протекция моего глупого братца, никогда бы Мишель не взял этого проходимца на такую должность.

Ух-ты! А вот это уже было интересно: подозрительного человека, оказывается, порекомендовал генерал-губернатору Ольгин сводный братец граф Витт. Этот самолюбивый поляк командовал всеми военными поселениями на Юге России и Воронцова почитал своим главным соперником, а посему строчил на того доносы в Петербург. Трудно поверить, что генерал-губернатор об этом не догадывался. Тогда почему же взял в начальники канцелярии протеже своего врага? Приблизил к себе осведомителя. Намеренно или нет?

Надо было разговорить гостью, и Дмитрий с иронией заметил:

– Ну, вот видишь, ты сама себе противоречишь! Твой брат ни за что не дал бы рекомендацию заурядному человеку.

– Да нет в Булгари ничего достойного внимания! Обычный торгаш. Просидел несколько лет в Константинополе – в нашей торговой миссии. Втихую помогал одесским мешочникам обдирать их грязные делишки.

Ордынцев насторожился. Начальник канцелярии так долго прожил в Турции? Ого, как горячо, однако! Надобно познакомиться с этим Булгари... Без Ольги этого не сделаешь, так что придётся подлизываться. Дмитрий нежно улыбнулся, и его гостя тут же перешла в наступление:

– Ты всё ещё один? Но ведь это скучно, да и грустно. Как можно так жить? Ты помнишь, как мы любили друг друга в Мисхоре? Здесь нет моря, но Москва тоже хороша: я обожаю, когда звонят колокола.

Да уж!.. С Ольги станется кувыркаться в постели под звон колоколов. Дай бог, чтобы Дмитрия эта участь миновала. Уж очень не хотелось соперничать ни с генералом Киселёвым, с графом Воронцовым, а уж тем более с законным супругом – Нарышкиным, но Ольга, похоже, думала иначе. Она поднялась с дивана, и Дмитрий поспешил отвернуться к окну, вот только сделал он это зря. Его настроение испортилось окончательно, ведь по Неглинной в открытом экипаже катила графиня Надин и с нежной улыбкой взирала на дом старого развратника Коковцева. Эта улыбка казалась такой лучезарной, что у Дмитрия заныло сердце.

«Видать, девица с Коковцевым – одного поля ягоды», – решил он. Ну и пусть тешатся, князю Ордынцеву нет никакого дела до них обоих.

Ольга уже стояла рядом, и Дмитрий вдыхал густой запах розовой воды от её волос. Дочь Прекрасной гречанки обожала резкие чувственные ароматы, цинично считая, что мужчины, как и все самцы на свете, летят на запах. Тонкая рука скользнула по груди Дмитрия. Прикосновения были лёгкими и нежными. Ольга бравировала своей порочностью, но этим и привлекала. Вспомнив, что без её помощи всё равно не обойтись, а дело требует жертв, Дмитрий сдался. Он спрыгнул с подоконника и встал рядом с Ольгой.

– Вот так-то лучше, – промурлыкала она, обняла его и поцеловала.

В её поцелуе не было нежности – в нём кипела страсть, Ольга так же сильно желала мужчину, как он хотел её. Огонь вожделения полыхнул в крови обоих. Женщина принялась раз-

девать мужчине. Она властвовала, подавляла, была хозяйкой положения. Полуголый Ордынцев показался сам себе кобелём на псарне. Этого он допустить не мог. Толкнув женщину к соседнему дивану, Дмитрий перегнул её через подлокотник, а потом задрал ей юбки. Последние преграды из слоев вышитого батиста он разорвал. Вид белых, как молоко, ягодич лишил Ордынцева остатков воли. Вздох наслаждения оказался обоюдным. Княгиня была великолепной и страстной самкой. Хрипло застонав, она прижалась к Дмитрию, и сладкий нутряной трепет её тела послал ему последний яркий сигнал. Ордынцев содрогнулся и... догнал любовницу. Это было что-то невероятное!

Дмитрий всё ещё парил между небом и землей, когда сквозь эйфорию услышал Ольгин смешок.

– Надо же, такого со мной точно не бывало: ты взял меня, как девку на конюшне, – промурлыкала она, и Ордынцев вдруг осознал, насколько дико они выглядят. Вдруг слуги войдут?! Он поспешил одернуть Ольгины юбки и кинулся одеваться сам. Нарышкина повела плечами, поправляя корсаж, и разгладила платье.

– Я рада, что мы снова вместе, – уже по-деловому заявила она. – Мне ведь донесли, что тебя видели в Одессе в день моего приезда, а потом ты исчез. Мне стало обидно, что ты смог так поступить.

– Я не хотел мешать твоему роману с Воронцовым или с Киселёвым. Впрочем, я уже запутался в твоих победах, – парировал Дмитрий.

Он и сам не понимал, чего хочет – вернуться к Ольге или больше никогда её не видеть. Та как будто почувствовала его настроение, она вновь прижалась к нему и, щекоча дыханием ухо, прошептала:

– Не верь никаким сплетням. Для меня всегда существовал только ты один. Я не виновата, что мужчины сходят по мне с ума, но для меня важен только мой Мэтти – красавец из Кореиза, герой моей юности.

Вот и финал. Дмитрия разбили наголову и взяли в плен. Ну и пусть! По крайней мере, их с Ольгой связывают воспоминания юности, к тому же лишь она может ввести капитана Ордынцева в дом генерал-губернатора Воронцова. Сначала надо сделать дело, а потом уже решать, как поступить с любовницей...

Ордынцев пригладил Ольгины растрепавшиеся локоны своей и улыбнулся её благодарному взгляду.

– Спасибо, дорогая, я очень тронут...

Ещё через четверть часа Дмитрий распорядился заложить коляску. Услышав из уст любовницы адрес московского дома Воронцовых, он тихо хмыкнул, но ничего не сказал. Именно туда он и собирался попасть в самое ближайшее время. Вот только что ждёт капитана Ордынцева в доме генерал-губернатора Новороссии – разгадка или пустые хлопоты?

Глава шестая

Сети для ангела

Хлопоты бывают либо приятными, либо пустыми, но Надин, конечно же, ни минуты не сомневалась, что последнее ей не грозит. Она полдня занималась прической и нарядом с такой вдохновенной точностью, с какой полководец двигает на поле сражения свои войска. Сегодняшний вечер должен был стать решающим: она выбрала себе жениха – и собиралась его заполучить. В качестве смертельного оружия выступало великолепное платье из переливчатой тафты. Цвет слоновой кости в складках пышной юбки переходил в глубокую синеву, а на плотном корсаже ткань оставалась гладкой и светлой. Чудо, а не платье!

«То, что и требовалось, – глянув на себя зеркало, признала Надин. – Жемчужные серьги – и больше никаких украшений». Для покорения такого молодого человека, каким был Шереметев, надо было выглядеть нежной и романтической. Более смелые повадки могли отпугнуть графа, и Надин решила не рисковать, а добавить немного благообразия к своим манерам. Стоя перед зеркалом, она несколько раз скромно опустила ресницы и попыталась оценить, на кого же теперь похожа. Получалось, что на дурочку, но красивую. «Придётся утешаться этим», – с философским смирением решила Надин.

Стеша уже приготовила веер и шаль. Можно было идти.

Мать и бабушка сидели в гостиной, а Любочка расхаживала вдоль окон. Она не решалась сесть, чтобы, не дай бог, не память подол.

– Пока тётя не здорова, я отправляю вас на попечение княгини Зизи. Будьте рядом с ней, – попросила дочерей Софья Алексеевна.

– Конечно! Не нужно волноваться... Мы послушаем концерт и сразу же вернёмся домой, – поклялась Надин.

Данное обещание совсем не нарушало её планов, ведь в первый вечер романтическая барышня должна подаваться в малых дозах: такое эфемерное существо не может бесконечно мелькать перед глазами мужчины.

«Заинтриговать, поманить и исчезнуть – пусть мучается», – вспомнила Надин основные вехи своего плана. Она взяла под руку младшую сестру и повела её к соседям.

Княгиня Зинаида Волконская переехала в московский дом своих родителей года три назад и сразу же подружилась с соседями. Юные графини обожали эту московскую звезду, а Зинаида Александровна с удовольствием принимала их восторженное поклонение и, даже не отдавая себе в этом отчета, старательно подкидывала хворост в костёр этого восхищения, рассказывая юным соседкам то о дружбе с прекрасной Луизой Прусской, то о переписке с императором Александром, то об участии в раскопках Геркуланума. Барышням это казалось сказкой, и они с радостью появлялись на полных очарования приёмах в доме блестящей Зизи.

В мраморной гостиной – первой из анфилады комнат с окнами на Тверскую – гостей собралось пока немного, и все они разместились вокруг большого овального стола. Сама хозяйка сидела в кресле лицом к дверям и, увидев вошедших сестёр, поднялась и поспешила им навстречу. Следом за ней встали двое мужчин, а дамы с любопытством оглядели вошедших. Надин мысленно поблагодарила судьбу, ведь одним из двух кавалеров оказался Шереметев. Около графа очень удачно стоял незанятый стул. Грех было этим не воспользоваться!

Княгиня Зинаида обняла юных соседок.

– Ах, мои дорогие, как я вам рада! – воскликнула она и повела барышень к столу.

Почти все дамы были Надин знакомы, исключением оказалась лишь миловидная темноглазая шатенка лет тридцати в тёмно-вишневом бархате. Как раз к ней хозяйка и обратилась:

– Дорогая Бетси, вы ещё не знакомы с моими юными соседками – Надеждой и Любовью Чернышёвыми? – спросила она и объяснила девушкам: – Елизавета Ксаверьевна – супруга генерал-губернатора наших южных краёв, графа Воронцова.

– Как мило, – заметила дама, – а сестры Веры у вас нет?

– Вы угадали, ваше сиятельство, – парировала Надин, уловив в словах губернаторши скрытую насмешку, – нашу старшую сестру зовут Вера, она недавно вышла замуж за князя Горчакова.

Надин сразу же пожалела, что не сдержалась, ведь сегодня она хотела прикинуться невинной овечкой, тем более что вожделенный жених стоял рядом, наблюдая за тем, как она выпускает коготки. Но если Шереметев и был шокирован, то не подал виду, а наоборот, вступил в разговор:

– Князь Платон женился? Он был моим командиром и только недавно вышел в отставку. Кавалергарды его очень любили.

– Уже три месяца, как сыграли свадьбу, – отозвалась Надин и робко потупила глазки.

– Девочки, садитесь, пожалуйста, – предложила Чернышёвым хозяйка дома, – я сегодня задумала декламацию и выбрала для этого «Сида». Не хотите ли поучаствовать?

Надин, в отличие от сестры, совершенно равнодушная и к поэзии, и к драме, читала лишь французские романы, но признаваться в этом не хотела и потому скромно заметила:

– Мы не обладаем вашими талантами, зато будем самыми восторженными зрителями.

Отвечая хозяйке, она ловко посадила сестру рядом с графиней Воронцовой, а сама подошла к заранее намеченному месту. Шереметев пододвинул ей стул и сел рядом. Граф смущённо поглядел на Надин, но ничего не сказал. Да-а, эдак он на предложение не скоро решится!.. Придётся действовать самой. А как?.. Интересно, что ему нравится?.. Поглядывая на графа из-под ресниц, Надин старалась угадать подходящую тему. По крайней мере, Шереметев сам начал разговор про кавалергардов, значит, ему это интересно. Надин обворожительно улыбнулась и закинула удочку:

– Так вы служили под началом моего зятя?..

Ее собеседник радостно ухватился за вопрос и тут же принялся рассказывать о службе. Надин кивала, вставляя реплики, а сама исподтишка рассматривала Шереметева. Пожалуй, его даже можно было счесть красивым: тёмноволосый, с большими чёрными глазами и соболиными бровями; хоть невысокий, но стройный и ладный. Впрочем, его немного портил по-женски пухлый рот бантиком.

«Надо бы ему усы отпустить», – определила Надин. Мысль об усах напомнила ей об утренней встрече. Настроение сразу же испортилось. Надо же ей было попасться на глаза Ордынцеву!.. Отогнав раздражающие воспоминания, Надин вдруг осознала, что собеседник задал ей какой-то вопрос, а что ответить, она не знает. На её счастье, общее внимание отвлекла появившаяся в дверях пара. Эффектный шатен, лет сорока или немного старше, сопровождал ослепительную брюнетку в лимонно-жёлтом атласе. Покатые плечи дамы спорили белизной с кружевами воротника, а сверкавшее на её груди бриллиантовое кольцо перекликалось блеском с искрами в глубине её черных глаз. Надин с изумлением узнала в госте томную спутницу Ордынцева.

– Бетси, а вот и ваш муж прибыл, значит, мы можем начинать наш маленький спектакль, – обратилась хозяйка дома к Воронцовой.

Елизавета Ксаверьевна равнодушно заметила:

– В чём, в чём, а в артистизме Мишелю нет равных.

Поймав огоньки свечей, заблестали огромные кровавые рубины в её ожерелье, и Надин вдруг показалось, что графиня специально повела плечами, чтобы привлечь внимание к своим баснословно дорогим украшениям. Похоже, что Воронцова ревновала. Муж пришёл с другой,

да к тому же красоткой. Сама Елизавета Ксаверьевна была миловидна, но до мужниной пассии явно не дотягивала.

Княгиня Зизи представила гостям генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, а потом назвала имя его спутницы. Красавица оказалась княгиней Нарышкиной. Самым интересным было то, что и у жены, и у спутницы Воронцова оказался сходный тип внешности. Это открытие так заинтриговало Надин, что она тихонько поинтересовалась у своего кавалера:

– А как звали княгиню Нарышкину до замужества?

– Ольга Потоцкая, – отозвался Шереметев, – она полька, такая же, как и Елизавета Ксаверьевна, та ведь до замужества была графиней Браницкой.

– Польки очень красивы, – заметила Надин, опуская ресницы.

Она так старательно прикидывалась овечкой, что уже с непривычки утомилась. Если бы не великая цель, разве бы стала она так мучиться?! Но её старания не пропали даром:

– Русские девушки гораздо красивее всех остальных! – пылко воскликнул Шереметев, и Надин сквозь ресницы поймала его восторженный взгляд.

Ну, надо же, и часа не прошло, как жертва пала к её ногам! Надин сразу повеселела и... махнула рукой на свой романтический образ.

– Благодарю вас от всех русских девушек, – весело сказала она и, теперь уже не жеманясь, просто, по-дружески спросила: – А вы не будете участвовать в чтении пьесы?

– Я пока не решаюсь, хотя обожаю театр, – серьёзно ответил граф и тихо, почти шёпотом спросил: – Вы знаете, что моя мама была крепостной актрисой?

– Да, – просто ответила Надин. – Вы её совсем не помните?

– Совсем! Только по портретам и представляю. У неё был удивительный голос, иногда мне кажется, что я слышу его во сне, а может, это ангелы поют.

– И я отца почти не помню, он погиб, когда мне было четыре года.

– А мой умер, когда мне было шесть, – отозвался Шереметев, – меня всегда окружали воспитатели и опекуны, а вот родных рядом не было...

Надин только собралась его утешить, но хозяйка потребовала тишины. Зинаида Александровна уже раздала графу Воронцову, своему другу поэту Веневитинову и княгине Ольге исписанные листы, положила перед собой книгу и объявила:

– Начинаем!

Надин покосилась на восторженное лицо Шереметева и признала, что тот действительно любит театр. Пьесу читали по-французски. Юные соседки давно знали о драматическом таланте Зинаиды Волконской. Та читала так же выразительно и безупречно, как и пела. Но и остальные участники импровизированного спектакля оказались на высоте. Граф Воронцов, читавший за Сида, убедительно передавал возвышенную борьбу между любовью и долгом. Веневитинову, по роли изображавшему рыцаря, влюблённого в героиню княгини Зизи, даже и притворяться не пришлось – его чувства проступали в каждом слове, а Ольга Нарышкина достоверно изображала гордую испанскую инфанту.

Текст пьесы оказался таким пафосным, а все герои – такими благородными, что Надин заскучала. Она покосилась на своего соседа, тот с обожанием смотрел на княгиню Волконскую, читавшую монолог страдающей Химены, потом глянула в лицо собственной сестры и увидела слёзы в глазах Любочки.

«Ну, надо же, все так наслаждаются!» – с удивлением подумала Надин. Самой ей было скучно. Она оглядела присутствующих. Гости увлеклись представлением, холодный и трезвый взгляд остался лишь у Елизаветы Ксаверьевны, та внимательно наблюдала за мужем и Нарышкиной.

Чтецы закончили первый акт, и Надин вдруг поняла, что толком ничего не слышала: слишком увлеклась, наблюдая за польскими красотками. Разве так ставят сети на женихов?

Пора уходить. Надо закрепить успех и исчезнуть с глаз своего нового поклонника. Пусть поску-
чает!

– Я обещала маме вернуться пораньше, – сообщила Надин графу, потом кивнула млад-
шей сестре и поднялась из-за стола. – Нам пора домой.

Шереметев вскочил. Он замялся, как будто не находил слов и наконец тихо пробормотал:

– Я могу навестить вас?

– Мы пока не принимаем, но до окончания коронационных торжеств останемся в Москве.

Завтра мы снова придём к княгине Зинаиде.

– Я тоже буду, – обрадовался Шереметев. – Тогда... до завтра?

– До завтра, – улыбнулась Надин. Восторг в глазах поклонника согрел её самолюбие. Как
быстро она добилась желаемого! Только вот радости особой что-то не чувствовалось. Да и с
чего она вдруг появится, если всё оказалось так просто?

«Ну и пусть, – успокоила себя Надин. – Подумаешь, бороться не пришлось! Не больно-
то и хотелось!»

Глава седьмая

Три встречи

Борись не борись, – результат будет тот же! Через день после первого свидания князя Ордынцева захомутали намертво. При этом ситуация выглядела на удивление мерзко: хоть и с благими намерениями, но за оказанные услуги ему приходилось расплачиваться с Ольгой собственным телом.

Но разве была у него другая возможность проникнуть в ближайшее окружение генерал-губернатора Воронцова? Нужно честно признать, что такой возможности не было. Дмитрия, конечно же, представили в Одессе и графу, и его супруге, но это считалось лишь шапочным знакомством, и запросто появиться в московском доме Воронцовых он не мог. Ну а Ольга сразу же устроила ему приглашение. В изящном конверте, доставленном Дмитрию на следующее утро после их первого свидания, лежала маленькая записочка. Графиня Елизавета Ксаверьевна в самых любезных выражениях приглашала князя Ордынцева посетить её скромный дом на Рождественке.

Конечно, её сиятельство всё сильно преуменьшила: дом Воронцовых оказался дворцом – в три этажа, классически строгим и совсем новым – что, впрочем, было неудивительно на этой полностью выгоревшей в двенадцатом году улице. Во внутреннем убранстве дома царил очаровательная легкость. Здесь не давила помпезность ампира, интерьеры казались изящными, но лаконичными, и Ордынцев задался вопросом: кому же Бог послал такой прекрасный вкус, генерал-губернатору или его жене? Ответ лежал на поверхности: приветствуя хозяйку, Дмитрий похвалил красоту дома, и просиявшая Елизавета Ксаверьевна с удовольствием принялась обсуждать с ним тончайшие подробности декора, а потом похвасталась:

– Но в Одессе я всё сделаю ещё лучше! Мы там начали строить новую резиденцию, и хотя это пока лишь начало, я уже собираюсь в Италию – заказывать обстановку.

Дмитрий слушал хозяйку дома, а сам незаметно поглядывал по сторонам. Самого генерал-губернатора видно не было, зато в гостиной расположились с десяток незнакомых мужчин. Фраки перемежались с вицмундирами, пестрели наряды дам, а южные интонации и громкие голоса сильно напоминали Одессу.

– Вы со всеми знакомы? – поинтересовалась Елизавета Ксаверьевна.

Сразу ухватившись за представившуюся возможность, Ордынцев попросил:

– Подскажите мне, пожалуйста, имена господ в вицмундирах, боюсь, что в Одессе я больше встречался с офицерами.

– Это всё – подчиненные мужа, он ведь хотел до коронации ещё попасть в столицу, поэтому взял с собой только троих. Вон те двое у камина – столоничальники Дибич и Огурцов, а рядом с княгиней Нарышкиной – начальник канцелярии Булгари.

– Похоже, нас когда-то представляли друг другу, по-моему, он граф... – как будто запямятовав, протянул Дмитрий. – Только вот имя-отчество вылетело из головы.

– Иван Ардальонович, – подсказала графиня, – он с бессарабскими корнями, так что мой муж зовёт его Ион.

– Ну, конечно, теперь вспомнил! Булгари ведь был дипломатом в Константинополе?

– Да, точно! Работал в нашей миссии лет шесть-семь, а потом ещё три года там жил после отставки, негоциантам одесским в торговле способствовал. Я не знаю, как вы к этому относитесь, но на моей родине, в Польше, аристократия не чурается ни наживать богатство, ни с умом вкладывать деньги.

– Моя мать владела оружейными заводами, – отозвался Ордынцев, но тему эту развить не успел – хозяйка извинилась и поспешила навстречу вновь прибывшей супружеской паре.

Случай благоприятствовал Дмитрию: подозрительный бессарабский граф очень удачно расположился рядом с креслом Ольги, и, если сейчас к ней подойти, Нарышкиной придётся их познакомиться.

Да, но о чём говорить с Булгари? Не состоите ли вы, граф, часом, на турецкой службе? Смешно!.. Дмитрий задумался. О чём можно говорить с незнакомым человеком, если не о погоде? Нечего путного на ум не шло, темы для разговора не находились.

«Присмотрюсь, соображу, что он за человек, а потом уже заговорю», – решил Дмитрий и направился к парочке, игриво ворковавшей в нише рядом с балконом.

Ольга заметила любовника сразу. Лицо её просияло, и пока Ордынцев шёл через комнату, победная улыбка всё шире расплывалась на пухлых вишнёвых губах.

– Добрый вечер, – Дмитрий поздоровался сухо, да и смотрел строго (в надежде, что Ольга не испортит ему дело откровенными заигрываниями). Любовница намёк поняла и повела себя скромнее – притушила блеск глаз и стала по-светски невозмутимой.

– Рада вас видеть, Дмитрий Николаевич. Вы знакомы с графом Булгари?

– Не имел чести, – отозвался Дмитрий, – хотя и наслышан.

Ольга представила мужчин друг другу. Начальник губернаторской канцелярии – высокий и тучный, по-цыгански смуглый, с копной чёрных мелких кудрей – оказался ещё нестарым – его возраст Дмитрий определил как «около сорока». Булгари любезно, с лёгкой улыбкой, глядел на нового знакомого, а его выпуклые чёрные глаза казались тёплыми. Этот бессарабский граф как-то не очень подходил на роль турецкого шпиона. Впрочем, если бы все шпионы внешне напоминали великанов-людоедов, их бы давно переловили. Решив не полагаться на первое впечатление, Ордынцев приступил к разговору:

– Я слышал, что вы долго жили в Константинополе?

– Да, я прослужил там десять лет.

А вот и первый звоночек! Хозяйка дома сказала, что служил граф Ион гораздо меньше. Но Булгари мог просто скрывать свои занятия торговлей, тем более от человека, которого видит впервые в жизни. И Дмитрий зашёл с другой стороны:

– А я вот военный моряк, так что мне путь в Константинополь заказан, ну если только, конечно, мы не завоюем эту твердыню.

Оценив шутку, Булгари рассмеялся, но потом сказал уже серьёзно:

– Великий город стоит того, чтобы в нём побывать. Ну а я просто привык. Мне нравились турецкие порядки: неспешность, любовь к удобствам, да и с дамами, не в обиду будь сказано нашей прекрасной княгине, у них разговор короткий. Жёны сидят взаперти, по балам не ездят.

Нарышкина предсказуемо возмутилась и принялась отчитывать графа, поминая его холостяцкое положение и как следствие непонимание тонкой и прекрасной натуры российских жён, а тот весело отшучивался, перемежая остроты с комплиментами своей собеседнице.

Диалог между парочкой получался на удивление ловким. Может, это и не шпион вовсе, а очередной Ольгин любовник? Эта догадка, конечно же, уязвила Ордынцева, но не настолько, чтобы отвлечь от главного. Пока не было ни малейшего намёка на то, что Булгари – тот, кто ему нужен. Найденные у курьера бумаги относились к севастопольским верфям... Может, об этом поговорить? Дмитрий нагло вклинился в игривую перепалку:

– Как вам мои отчёты, Иван Ардальонович? Всё устраивает? Нет ли замечаний или рекомендаций?

– О чём вы? – удивился Булгари.

– По порту! Теперь ведь я вам отчёты присылаю, адмирал Грейг недавно поручил мне вести переписку по портовым делам.

Только что оживлённое, лицо начальника губернаторской канцелярии окаменело. Живой взгляд исчез под опущенными веками, теперь перед Дмитрием белела застывшая маска. Бул-

гари молчал. Дмитрий ждал ответа. Начальник канцелярии поднял на него непроницаемые глаза, и это уже был безликий чиновник. Ровно, без интонаций, он произнёс:

– Подобными вопросами канцелярия не занимается. Его высокопревосходительство лично просматривает такие документы.

Не глядя на Дмитрия, чиновник поклонился Ольге, пробормотал что-то о делах, которые ещё должен сегодня доделать, и ретировался.

Так что же, получается, вопрос попал в цель? Только вот поведение Булгари уже не предвещало ничего хорошего. Ясно, что теперь он станет обходить князя Ордынцева десятой дорогой. Всё-таки нужно было хорошенько подумать, прежде чем лезть к подозреваемому со своими вопросами. Пригляжусь – тогда и рискну! Вот и рискнул, чёрт подери! Раздражение от явного промаха усугублялось угрызениями совести, и Дмитрий даже забыл о любовнице, но та напомнила о себе сама:

– Ты ведёшь себя просто неприлично! Вольно же тебе ревновать? И к кому? Неужели ты считаешь, что я снизойду до какого-то отуречившегося бессараба?

Ольга капризно выгнула бровь. Она не менялась – так и считала, что весь мир крутится вокруг неё, но это оказалось даже к лучшему: можно было изобразить обиду и последовать примеру Булгари. Окинув любовницу суровым взглядом, Дмитрий сухо процедил:

– Ты так с ним кокетничала, что сумела убедить меня в обратном.

Не дожидаясь ответа, он покинул гостиную.

Через несколько минут экипаж Дмитрия уже катил по вечерней Москве, а сам он всё пытался угадать, что же скрывает начальник губернаторской канцелярии. С теми же мыслями князь проснулся и утром. Вновь и вновь прокручивал он в памяти вчерашний разговор. Но ясно было лишь одно: Дмитрий насторожил, а может, даже испугал Булгари.

Оставалось только одно – признать ошибку и отступить. Но пока генерал-губернатор сидит в Москве, Булгари тоже никуда не денется, и, значит, до окончания коронационных торжеств о нём можно не беспокоиться. Надо заниматься бродячим торговцем. Но... пока эти планы так и остались планами, ведь Закутайло вместе со своим подопечным как сквозь землю провалился.

Закутайло так и не появился. Дмитрий уже весь извёлся, но никаких предположений, что же могло случиться с его товарищем, сделать не мог. До коронации оставалось совсем чуть-чуть, Москву заполонили толпы желающих принять участие в празднествах, постоянные дворы и гостиницы были переполнены. Отыскать среди них Закутайло или торговца Гедоева не представлялось возможным.

Нынче утром Дмитрий позавтракал остатками вчерашнего ужина, присланного из ресторана «Яр», и только пригубил кофе, когда в дверях столовой замаячила стройная фигура в лиловом шёлке. Белоснежные блонды широкой каймой лежали на пышных рукавах, льнули к груди и красиво обрамляли спину княгини Нарышкиной. Она специально замерла в дверях – прекрасная живая картина – потом улыбнулась и протянула к любовнику руки:

– Мэтти, я так соскучилась!

Легкой бабочкой пролетела она через всю столовую и скользнула на колени любовника. Ордынцев осторожно отодвинул чашку с кофе подальше от края стола и обнял гостью, Ольга жадно и нетерпеливо поцеловала его. Как обычно, её поцелуй разжег Дмитрию кровь. От дочки Прекрасной гречанки исходил аромат тёмной, тяжёлой чувственности, и противиться её зову было невозможно. Ольга усилила напор: сильнее прижалась к груди мужчины и шепнула:

– Смелее, мой лев!..

Дмитрию показалось, что его окатили ушатом холодной воды. Он взял женщину за талию и поставил на ноги.

– По-моему, ты спутала меня со своим мужем, ведь это его зовут Лев, – надменно изрёк он.

– Ну, что ты опять цепляешься к словам? – вишнёвые губки Ольги надулись пышным бутоном. – Ты сам знаешь, что я имела в виду не это.

– Я услышал то, что услышал! В конце концов, ты приехала сюда с мужем, у него есть все права, а я – никто, посторонний человек.

– Да ты опять ревнуешь! – просияла княгиня. – Да, кстати, с каких это пор ты так серьёзно относишься к узам брака?

– Я всегда к ним относился серьёзно, поэтому и не сделал тебе предложения!

– Вот бы мы всех насмешили, если бы поженились: почти дети, влюблённые и глупые. Но бог с ним – что было, то прошло. Нам сейчас хорошо. Зачем ты всё портишь? Я же тебе говорила, что для меня существуешь лишь ты один.

За столько лет Ольга совершенно не изменилась и другой уже не будет. Либо избегай ее, либо принимай такой, как есть. Ордынцеву захотелось сгладить свою резкость, но этого уже не потребовалось – Ольга занялась собой. Она любовно расправила кружева на корсаже и встряхнула примятую юбку платья.

– Я, вообще-то, приехала ненадолго, – сообщила она, – ты сам виноват, что не захотел совместить приятное с полезным, так что я перехожу к делу. Ты вчера сбежал, а через полчаса после этого приехала Зинаида Волконская. Не застав тебя, она очень расстроилась и попросила, если я вдруг снова тебя увижу, передать, что она хочет встретиться. Зизи сказала, что получила письмо от твоей матери из Рима.

– Вот как... – протянул Дмитрий.

Ольга ждала его ответа и, поняв, что любовник колеблется, подсказала:

– Приезжай к ней сегодня, я тоже там буду.

На языке у Дмитрия вертелся вопрос, с кем же прибудет княгиня Нарышкина на сей раз. С которым из любовников? Впрочем, опускаться до дешёвых дрызг – самое последнее дело, и, проглотив колкость, он просто ответил:

– Ладно, я приеду.

– Вот и молодец, – похвалила Ольга и, поцеловав любовника на прощание, направилась к двери. Она вновь задержалась в дверном проёме, застыв в нём прекрасной живой картиной, а потом вышла.

«Ох! Не было печали... Придётся теперь ехать к Волконской», – расстроился Дмитрий.

Надин решила забежать к Волконским с утра пораньше. Этой привилегией сёстры Чернышёвы пользовались с особым удовольствием, ведь именно по утрам Зинаида Александровна оставалась одна и принадлежала только им. Надин хотелось поговорить с ней о Шереметеве. Раз Зизи назвала графа своим другом – значит, хорошо его знала.

Выяснив у дворецкого, что княгиня ещё не выходила, Надин поднялась на второй этаж. Она ожидала найти Зизи в постели, но ещё в коридоре услышала переливы низкого бархатного контральта. Княгиня пела. Это было что-то незнакомое, по крайней мере, Надин ещё не слышала ни такой мелодии, ни таких слов. Зинаида Александровна пела по-русски, и слова оказались не торжественно-возвышенными, а простыми, но так брали за душу, что Надин застыла на месте. Зизи пела о молодом изгнаннике, тот плыл в чужие страны, а в его родном краю остались разбитые иллюзии и утраченная юность. Надин даже представила изгнанника на палубе корабля, когда тёплый, изумительный красоты голос вывел последнюю фразу:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

В воздухе повисла тишина, и Надин вдруг осознала, что музыки-то не было, чудо сотворили обворожительный голос и потрясающие слова, а ведь казалось, что звучит целый оркестр. Что это? Наваждение?.. Надин постучала в дверь спальни и, услышав приглашение, вошла. Поздоровавшись, она тут же спросила:

– Что вы пели? Я слышала. Это божественно – всё так просто, а каждое слово берет за сердце!..

– Это Пушкин, моя дорогая, – улыбнулась княгиня. – Мой друг написал музыку на его стихи. Мне шепнули, что после коронации Пушкина примет государь, так что мы ждём его в Москве. Хочешь, я и тебя с ним познакомлю?

– А вам не будет за меня стыдно – ведь я не очень-то разбираюсь в поэзии? – призналась Надин и заговорила о том, что её больше всего волновало: – Можно спросить о другом вашем госте?

– Дмитрий Шереметев? – сразу догадалась Волконская. – Я оценила огонь в его очах, когда ты поднялась из-за стола после первого действия. Кстати, я вчера тебя так и не спросила, почему вы ушли так рано?

– Я маме обещала, да и бабушка нездорова – ногу повредила.

– Как это Марию Григорьевну угораздило?

– Спасибо лихачу – нёсся, как сумасшедший, и прямо у крыльца зацепил ось нашего экипажа. Бабушка упала с сиденья и ударилась.

– И кто этот умник, летающий по Тверской сломя голову?

Надин раздраженно фыркнула:

– Князь Ордынцев. Форменный наглец!

– Зря ты! Он неплохой человек, – отозвалась Зинаида Александровна.

Разговор скатился на обсуждение Ордынцева, а Надин пришла сюда не за этим и поэтому напомнила:

– Я хотела спросить вас о том, что за человек Шереметев.

– Понравился? – лукаво блеснув чёрными очами, спросила Волконская. – И то правда, как он может не понравиться? Золотое сердце! Он рожден, чтобы делать добро.

– Мне показалось, что он увлечён театром, – вспомнила Надин, – он с таким восторгом слушал вашу декламацию!

– Актриса во мне польщена, – торжественно изрекла княгиня и рассмеялась, но тут же продолжила уже серьёзно: – Что до Шереметева, то я его очень ценю и не сомневаюсь, что ты с таким мужем была бы счастлива, хоть он и молод. Есть только одно «но»: сироту-графа с малых лет опекает вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Она, похоже, давно считает его чем-то средним между собственным ребёнком и учеником своего Воспитательного дома, а такой свекрови не пожелаешь никому.

Зинаида Александровна ещё кое-что рассказала о молодом графе, но Надин не узнала ничего нового – всё это она уже слышала в Петербурге. Пришлось уйти ни с чем. По дороге домой Надин вспоминала бархатное контральто и проникновенные слова. Может, это был знак? Но как его растолковать? Море – значит, путешествие? Наверное, они с Шереметевым поплывут после свадьбы на корабле, но это станет радостным событием, и не будет ни тревог, ни печалей.

«Это просто совпадение», – наконец-то решила Надин. Море здесь ни при чём, просто её будущий жених любит прекрасное. Это намёк на то, что придётся и ей научиться разделять его увлечения, а начинать нужно с поэзии.

Успокоившись, Надин занялась самым приятным на свете делом – выбором наряда на вечер. Пусть Шереметев ослепнет от её красоты!.. Интересно, когда же он созреет до предложения руки и сердца? Сколько же, однако, нужно терпения, чтобы женить на себе мужчину!

Глава восьмая

Скандал в музыкальном салоне

Терпение обычно вознаграждается, вот и Дмитрий наконец-то получил свой приз: вскоре после отъезда Ольги его разыскал Закутайло.

– Ну, Павел, я уже все глаза проглядел и все думы передумал, ожидая вас! – обрадовался Ордынцев и нетерпеливо спросил: – Как там наш подопечный?

– Отдыхает на постоялом дворе. Доехали мы без приключений: он ничего никому не продавал, ни с кем не встречался, а завтра утром собирается отправиться в столицу. Так что если он – курьер, то шпион ждёт его в Петербурге.

– Не всё так просто, – возразил Дмитрий и рассказал товарищу о втором подозреваемом и о том, что уже вспугнул Булгари.

– Но вы же сами сказали, что ещё месяц этот граф из Москвы никуда не денется, а как только он в Одессу вернётся, установим за ним слежку, это ведь легче, чем гадать на кофейной гуще, подозревая всех и никого. Но я вам сразу скажу, что я бы на торговца гашишем поставил. Мерзкий он мужик. Вроде и молчит, никого не обижает, ни с кем не общается, а взгляд у него – змеиный.

Других возможностей, по большому счету, все равно не осталось, и Ордынцев согласился:

– Давайте пока на нём и сосредоточимся. Но как мы сможем и дальше этого Гедоева отслеживать? Вы ехали с ним от Одессы, и вас нельзя больше использовать – это может вызвать подозрения, и он запаникует. Наверно, придётся мне этим заняться.

В глазах Закутайло мелькнул скепсис.

– Это не пойдёт, – возразил он. – Вы уж не обижайтесь, только в вас барина-аристократа за версту видать, а такому человеку в торговом обозе делать нечего. Но беспокоиться не надо, наш капитан Филиппов уже обо всём позаботился – меня на постоялом дворе ждал Афоня. Помните Афанасия Панькова? В то утро, когда капитан вас нашей команде представлял, он слева от меня сидел – рыжеватый такой.

– Помню: невысокий и худенький, сидел в углу каюты, – подтвердил Дмитрий. – Так вы передали Гедоева ему?

– Так точно! Афоня уже примкнул к завтрашнему обозу на Петербург, Алан тоже с ним поедет, другого ещё неделю не будет.

Дмитрий горестно вздохнул. После стольких дней ожидания так сразу и расстаться с Закутайло? Понятно, что этого не избежать, но всё-таки очень жаль. Ордынцев спросил помощника:

– А вы-то что намерены делать?

– Мне Афоня привёз от капитана приказ: я еду обратно. Теперь Паньков станет вам помогать. Он парень ловкий, не пожалеете. Адрес вашего столичного дома я ему передал, он вас сам найдёт, как только доберётся до Петербурга.

– Павел, вы уж проследите лично, вдруг Булгари всё-таки появится в Одессе, – попросил Дмитрий.

– Не волнуйтесь, я уж его не пропущу!

Ордынцев написал адмиралу короткий отчёт и простился со своим помощником.

Пришло время самому собираться в дорогу. Дмитрий взялся паковать вещи, но его сборы прервала горничная. Она принесла маленькую записочку от княгини Волконской. Только тут Дмитрий вспомнил, что пообещал посетить вечерний раут у Зинаиды Александровны. Господи, как же нехоти! Но Ольга уже передала хозяйке, что Дмитрий будет, и не приехать теперь – значило оскорбить княгиню Волконскую. Пришлось доставать из баула уже уложенный фрак.

До дворца Белосельских-Белозерских на Тверской было рукой подать, и Ордынцев надеялся доехать быстро, но экипаж еле тащился. Складывалось такое впечатление, что население Первопрестольной по меньшей мере удвоилось: множество экипажей загрозило мостовую, а вдоль домов сновали толпы прохожих.

«Как хорошо, что не придётся ждать коронации! – порадовался Дмитрий. – Как можно пережить это столпотворение, которое к тому же будет продолжаться почти месяц, и остаться в здравом уме?»

Коляска наконец-то остановилась. Слава тебе господи, добрались! Ордынцев уже собрался подняться на крыльцо, когда увидел, что из дверей соседнего дома на улицу вышли две высокие черноволосые барышни, а с ними пухленькая старушка.

«Да ведь это же пострадавшие дамы, – понял Дмитрий. – Если бабушка ходит, значит, ничего страшного с её ногой не случилось. Вот и славно: не придётся мучиться совестью, – обрадовался он... – Подойти что ли? Предложить старушке помощь?» Из чувства приличия так и надо было сделать, вот только встречаться с внучкой графини Румянцевой Дмитрию совсем не хотелось.

Дамы приближались, и войти в дом, не поздоровавшись, он уже не успевал. Ордынцев дождался, пока дамы поравняются с его коляской, и, поклонившись старой графине, предложил:

– Ваше сиятельство, позвольте мне проводить вас. Я так понимаю, что вы тоже идёте на приём к княгине Зинаиде. Он специально обратился именно к Румянцевой, поскольку не сомневался, что её вредина-внучка от помощи непременно откажется. Вторая барышня в этой компании оказалась совсем молоденькой и, опустив ресницы, скромно молчала, зато её старшая сестра от злости прикусила губу.

«Вот так-то, красotka, знай своё место», – мысленно потешался Ордынцев, лучезарно улыбаясь. Он ждал решения старой графини.

– Благодарю, ваша светлость, – откликнулась на его предложение Румянцева, – буду рада вашей помощи.

Она отпустила локоть старшей из барышень, оперлась на руку Дмитрия и спросила:

– Вы знакомы с моими внучками?

– Ещё не имел чести, – сообщил Ордынцев, – но очень хотел бы это исправить. Представьте меня барышням, пожалуйста.

– Девочки, познакомьтесь с князем Дмитрием Николаевичем Ордынцевым, внуком моей старой подруги. А моих красавиц зовут Надежда Александровна, – почтенная дама кивнула в сторону старшей внучки, – и Любовь Александровна Чернышёвы, – повернулась она к младшей.

– Очень приятно, сударыни!

– Нам тоже, – любезно отозвалась младшая из сестёр.

– Вы хотели извиниться за ушиб, полученный бабушкой по вашей вине? – ехидно поинтересовалась старшая.

– Надин! За что ты винишь князя? – вмешалась старушка. – Это был несчастный случай.

– Не нужно сломя голову носиться по городским улицам, – сбавив тон, всё-таки завершила свою мысль Надин и сердито зыркнула на Ордынцева яркими синими глазами.

Когда она злилась, то становилась ещё красивее. Такую внешность можно было бы назвать безупречной: изящные черты лица, гордо посаженная на лебединой шее скульптурная голова, грациозная фигура, даже летящая походка – всё было при ней. Просто эталон благородства! Но Дмитрий знал то, что оставалось тайной для других. Перед ним стояла Ева, уже вкушившая запретный плод, и настроена она была очень воинственно. Следовало держать ухо востро, Ордынцеву совсем не хотелось обижать ни юную Любочку, ни старую графиню. Дмит-

рий отвернулся от сверкающих злобой глаз своей недоброжелательницы и, сосредоточив всё своё внимание на её бабушке, повёл старушку на раут к княгине Волконской.

Пока они добирались до гостиной, Дмитрию показалось, что Надин сменила гнев на милость. В её голосе не осталось раздражения, она весело обсуждала с Любочкой предстоящий концерт и, не стесняясь присутствия Ордынцева, с завидной самоиронией признавалась в том, что несильно разбирается в искусстве.

– Ты должна рассказать мне сюжет «Итальянки в Алжире» до того, как Зизи и её артисты начнут петь, иначе я вообще не пойму, о чём идёт речь, – уговаривала Надин сестру. – Я подозреваю, что любезность княгини не будет простираться настолько далеко, чтобы специально для меня перевести текст на русский.

Сестра выполнила её просьбу и начала пересказывать либретто оперы. Любочка знала его во всех деталях. К тому времени, когда Дмитрий подвел своих спутниц к хозяйке дома, младшая сестра как раз закончила свой рассказ.

Княгиня Зинаида очень обрадовалась Марии Григорьевне – обняла старушку и посадила в кресло рядом с собой. Барышень она отправила на диванчик, стоящий с другой стороны стола, а потом обратилась к Ордынцеву:

– Я рада, князь, что вы приняли мое приглашение. Надеюсь, что после концерта мы с вами сможем поговорить. Возьмите пока письмо вашей матушки. – Волконская достала из крохотной бальной сумочки сложенный в несколько раз листок и протянула его Дмитрию.

Ордынцев поблагодарил и отошёл к окну. Дневного света ещё хватало, и он захотел сразу же прочесть письмо. Дмитрий развернул лист и узнал плотный, чёткий почерк матери. Та обращалась к Волконской, как к подруге, и подробно описывала свою жизнь в Риме. Мать, по-видимому, отвечала на какие-то вопросы княгини Зизи о своём мировоззрении, и Дмитрий поразился философской глубине её мыслей. В конце послания, уже попрощавшись, Татьяна Максимовна сделала приписку, что из-за нового закона о католическом вероисповедании беспокоится о судьбе подаренного Дмитрию имущества и советовала княгине Волконской переписать всё на сына задолго до «решительного шага».

«Так вот о чём собиралась поговорить Волконская: хотела предупредить о возможной конфискации, – догадался Дмитрий. – Но теперь-то уже всё равно ничего не изменишь. Поздно!»

Настроение испортилось окончательно: отдавать в казну то, что он любил с детства, а потом по дарственной передала ему мать, Дмитрий не хотел. Это было просто оскорбительно! Кому какое дело до того, во что верит княгиня Ордынцева? Она многое сделала для страны, даже отдала короне своё любимое детище – оружейные заводы. Неужели этого мало?.. Гнев разгорался, как костёр на ветру. Наверное, пора уходить. Не дай бог, не совладаешь с собой, сорвешься. Дмитрий спрятался за колонну, пытаясь взять себя в руки.

Наконец он справился с обидой – по крайней мере, притушил её. Не стоило пороть горячку: нового закона ещё никто не видел, а раз так, то и обсуждать было нечего.

Дмитрий свернул письмо и положил его в карман. Оглядевшись по сторонам, он понял, что старшая из сестёр Чернышёвых уже успела покинуть своё место на диване и теперь стояла в сторонке, беседуя с Шереметевым. Даже издали было видно, как сияют глаза графа, да и Надин казалась воодушевлённой. Отметив, что бедняга Шереметев явно влип, как кур в ошип, Дмитрий решил подойти к хозяйке, дать ей знать, что всё понял, и откланяться. Он ещё не успел добраться до Зинаиды Александровны, когда в комнате появилась новая пара. Рослый смуглый генерал, в котором Дмитрий узнал мужа своей любовницы, Льва Нарышкина, вёл под руку очень худую, но всё ещё красивую немолодую даму. Роскоши её наряда могла бы позавидовать императрица, а пышный берет с кудрявым страусовым пером венчал её голову, как самая настоящая корона.

«Ух, ты! Прямо-таки явление царицы! Правда, ненастоящей», – мысленно оценил Ордынцев, узнавший в стареющей даме когда-то всемогущую фаворитку покойного императора Александра.

Марию Антоновну Нарышкину Дмитрий помнил с отрочества: тогда прекрасная дама, объезжавшая Крым со своей маленькой дочкой Софьей, поразила воображение подростка, а пятнадцать лет спустя, поселившись в своём новом одесском доме, Ордынцев узнал, что мать с девочкой провели здесь целую зиму.

Лев Нарышкин – племянник Марии Антоновны по мужу, поэтому он и сопровождает тётку. «Однако интересно, с кем же тогда появится на приёме его собственная жена? Ольга пообещала, что непременно здесь будет», – размышлял Ордынцев.

Ответ он получил сразу. В дверях гостиной появилась его любовница. Абсолютно неотразимая в пышных шёлках цвета слоновой кости, она томно клонила голову к плечу новороссийского генерал-губернатора Воронцова. Ревность в мгновение ока пожрала остатки самообладания Дмитрия.

«Все Ольгины уверения – сплошное враньё, а правда заключается в том, что её нынешний герой – генерал-губернатор», – с горечью признал Ордынцев. Он воротился на своё прежнее место у окна – теперь об отъезде не могло быть и речи. Дмитрий просто не мог себе это позволить: моряки с поля боя не бегают. Если нужно, они сражаются и за своих женщин, и за свою честь.

«У этого человека нет ни совести, ни чести», – размышляла о своём враге Надин. Присутствие Ордынцева её безмерно раздражало. Она ведь так и не поняла, узнал ли её князь накануне или нет... Впрочем, чего бояться? Даже если вдруг этот фанфарон и станет сплетничать, Шереметев сразу же защитит честное имя своей невесты.

Надин вдруг осознала, что Шереметева зовут так же, как и её недруга. В этом было что-то неправильное, тревожное. Почему такое совпадение? Два Дмитрия Николаевича, только один – ангел, а другой – демон. Надин не настолько глупа, чтобы не понимать, где белое, а где чёрное. Она поискала глазами Ордынцева и увидела, как тот, спрятавшись в нише окна, что-то читает. Вот ведь дубина неотёсанная – не умеет себя вести, в гостях такого не делают! Эта мысль о недруге оказалась последней, а потом всё заслонило главное событие вечера – в дверях зала появился Шереметев. Его взгляд обежал гостей и сразу отыскал Надин. Чёрные глаза графа вспыхнули. На пухлых губах расцвела улыбка, сделав их необычайно привлекательными.

«Да Шереметев – настоящий красавец! Ему не нужны усы. Что за глупая мысль? У ангелов усов не бывает», – наконец-то поняла Надин.

Она просто извелась от нетерпения, пока её обожатель приветствовал хозяйку дома и графиню Румянцеву, и просияла от восторга, когда он направился к ней.

– Добрый вечер, сударыни, – граф учтиво поклонился обеим сёстрам Чернышёвым, а потом добавил: – Надежда Александровна, ваша бабушка позволила мне немного побеседовать с вами.

Отменная сообразительность не подвела Надин и на сей раз – предлог нашёлся сразу:

– Я с удовольствием послушаю ваше суждение о сегодняшней опере, – сообщила она.

Надин поднялась с дивана, обошла колонну и сделала ещё пару шагов. Кавалер послушно шёл за ней. Надин остановилась, и теперь они стояли на виду у всего общества. Если Шереметев не имел серьёзных намерений, он должен был прервать их рискованный тет-а-тет и отвести её обратно к бабушке, но граф без видимых колебаний остался рядом.

– Вам нравится «Итальянка в Алжире»? – спросил он.

– Мне нравится главная героиня. Я понимаю её характер, да и поступки тоже, – отозвалась Надин, мысленно поздравив себя с тем, что вовремя догадалась заранее выпросить у Любочки сюжет.

– Но не каждая девушка решится отправиться на поиски своего любимого.

– Это-то как раз естественно, – опустив ресницы, убеждённо заявила Надин, – по крайней мере, для меня.

– Вы хотите сказать, что сами могли бы пуститься в полное опасностей путешествие ради спасения дорогого вам человека?

– А как же иначе? – изумилась Надин. – Разве можно смириться, если ещё не все возможности помочь близким исчерпаны?

Слёзы умиления блеснули в тёмных глазах Шереметева. Он даже прижал руку к сердцу, когда сказал:

– Я тоже считаю, что ради любимых можно пожертвовать жизнью. Я сам этого, конечно, не помню, но знаю, что моих родителей связывало очень сильное чувство. После смерти матери отец не захотел жить – и угас...

– Мои тоже очень любили друг друга! Мама до сих пор верна памяти отца, и, если бы не мы, наверно, ушла бы в монастырь, – призналась Надин. – Я думаю, что найти свою вторую половину – большое счастье. Не всем так везёт.

Она чуть слышно вздохнула. Уловка подействовала:

– Вы обязательно будете счастливы, я уверен в этом! – воскликнул её кавалер. – Вы достойны этого, как никто другой.

– Но вы же меня совсем не знаете. Я – самая обычная девушка, у меня нет особых талантов. Например, я не очень хорошо разбираюсь в искусстве, даже моя младшая сестра пеняет мне за то, что я не понимаю музыки.

Строгий взгляд старой графини положил конец столь рискованному разговору. Опустив глазки (прямо-таки сама скромность!), Надин прошептала:

– Нам пора вернуться на свои места. Боюсь, мы злоупотребили доверием бабушки.

– Простите, это я виноват, – расстроился Шереметев. – Позвольте проводить вас обратно.

Надин лишь кивнула. Начало было положено. Все общество следило за их разговором, и во мнении света их имена теперь накрепко связаны. Этот продолжительный тет-а-тет станут обсуждать во всех гостиных, слухи обегут все салоны обеих столиц и вернуться к графу Шереметеву с вопросом: «Что вы собираетесь делать?»

Надин рассчитывала, что такой благородный человек, как Дмитрий Николаевич, даст на него единственно верный ответ. Правда, ей ещё предстояло получить нагоняй от бабушки, но приз в лице графа Шереметева того стоил.

«Перетерплю», – рассудила она, усаживаясь на маленький диванчик рядом с сестрой. Очень уж хотелось, чтобы граф поскорее сделал ей предложение, и ради этого Надин была готова выдержать не одну головомойку.

Они вернулись вовремя: хозяйка поднялась из-за стола и пригласила всех гостей в музыкальный салон:

– Милости прошу, занимайте места.

Зинаида Александровна направилась к дверям. За ней потянулись гости. Надин и Любочка взяли под руки бабушку и последовали за остальными. На изображавшем сцену помосте уже ждали четверо музыкантов со скрипками и виолончелью. Княгиня Зинаида села за большое концертное фортепьяно, а трое певцов – двое мужчин и дама, чьих имён Надин не знала, – встали впереди маленького оркестра. Из-за больных ног Марии Григорьевны сёстры прошли в салон чуть ли не последними. Все кресла в первых рядах оказались заняты. Надин огляделась, выбирая место, и увидела графа Шереметева. Тот робко улыбался ей из предпоследнего ряда, около него оставались три свободных места подряд.

– Пойдёмте туда, – позвала Надин и, уловив мгновенную заминку Марии Григорьевны, шепнула: – Всё будет хорошо, скоро он станет моим женихом.

– Ты играешь с огнём, – расстроилась старая графиня.

– Я уверена! – заявила Надин и потянула родных в проход между кресел. Она добралась до Шереметева, опустилась на соседнее кресло, лучезарно улыбнулась и спросила:

– Вы не знаете, кто из певцов будет петь и какие партии?

Конечно же, Дмитрий Николаевич всё знал, причём досконально. Чуть склонившись к уху Надин, он начал сыпать именами итальянских артистов, объяснять, какие партии те станут петь и что за арии будут исполнены. Перейдя к персонажам оперы, граф так увлекся, что Надин потеряла нить разговора. Впрочем, своего кавалера она уже не слушала, её заинтересовало совсем другое: за спинками раздался шум шагов, а потом голос Ордынцева произнёс:

– Вам отсюда видно?

Похоже, что князь был не в духе. По крайней мере, со спутницей он разговаривал сухо.

– Всё, что мне нужно, я вижу уже сейчас, – отозвался томный женский голос с такой нежностью, что можно было побиться об заклад, что Ордынцева надолго не хватит, под таким напором бравый моряк быстро капитулирует.

Звуки вступившего квартета заглушили его ответ. Сзади теперь долетали лишь отдельные слова, зато Надин различала страстные интонации голосов. Эти двое явно были любовниками и сейчас выясняли отношения. Голубки уединились в последнем ряду. Надин точно помнила, что в нём все кресла оставались свободными.

«Там эта парочка сможет и обниматься. Никто не увидит, если не догадается посмотреть назад», – поняла Надин и сразу же осознала, что у неё возникло сильнейшее желание испортить любовникам их уединение. Можно уронить веер и начать искать его вместе с Шереметевым. Эта мысль показалась настолько забавной, что Надин явственно хмыкнула, но никто этого не заметил – все слушали музыку. Княгиня Волконская и итальянский тенор пели любовный дуэт. Бархатное женское контральто оттенялось сильным голосом мужчины, музыка блистала радостью и лёгким кокетством, и даже Надин почувствовала изумительную гармонию исполнения. Шереметев же с восторгом взирал на сцену. Он просто впитывал звуки.

«Счастливый человек! И впрямь, ангел во плоти», – с умилением поняла Надин.

Она вспомнила свои рассуждения об ангеле и демоне с одинаковыми именами и тут же попыталась выяснить, что происходит сзади, но музыка мешала подслушивать. Надин показалось, что прозвучал короткий смешок, затем тихий вздох, потом женский голос что-то скороговоркой пролепетал. Надин уже совсем изнемогла от любопытства, но тут голоса певцов переплелись, рассыпались руладами, завибрировали в верхних октавах и смолкли.

Гости разразились аплодисментами. Шереметев вскочил с кресла и крикнул: «Браво!» Надин с нежностью подумала о том, какой он искренний и восторженный человек. Вдруг её внимание привлек мужчина, идущий по проходу от первых рядов. Он выступил из тени, и она узнала генерал-губернатора Воронцова. Тот прошёл напрямик к последнему ряду кресел, и Надин услышала его голос:

– Ольга Станиславовна, позвольте проводить вас к родным. Вам оставлено место около вашей тётушки.

– Я не хочу сидеть рядом с этой старой ведьмой, – ответил раздражённый женский голос.

– Ваша светлость, муж и тётка ждут вас. Извольте пройти со мной, – уже с нажимом повторил Воронцов и тихо добавил: – Не стоит капризничать.

Надин наострила уши: похоже, в заднем ряду разворачивался настоящий скандал. У неё мелькнула мысль, что генерал-губернатор ревнует – как видно, княгиня Ольга крутила головы сразу двум мужчинам.

«Муж и два любовника. Вот это да! Нарышкина ни в чём себе не отказывает», – размышляла Надин.

Сзади вновь раздались шаги, и генерал-губернатор проследовал вперёд по проходу, ведя под руку княгиню Ольгу. Но самым интересным оказалось то, что горе-кавалер Ордынцев до сих пор не произнёс ни слова, как будто его тут и не было. Надин уже хотела обернуться, но

услышала, как скрипнул отодвигаемый стул, и чёткий звук мужских шагов, становясь всё тише, замер у дверей. Надин всё-таки не выдержала и обернулась, но Ордынцева в зале уже не было.

«Вот так-то, голубчик, чужим жёнам головы крутить! Можно и свою на дуэли сложить. Пусть скажет “спасибо”, что сегодня обошлось», – мысленно злорадствовала она.

Хорошее настроение Надин превратилось в великолепное. Ещё бы! Всегда приятно, когда публично унижают твоего врага.

Глава девятая

Переулок на Охте

Самое большое унижение – это когда тебя используют близкие. Раньше Ордынцев понимал это, как говорится, в общем, а теперь проверил и на собственной шкуре.

Прикрыв глаза, Дмитрий устроился в экипаже, катившем по столичному тракту. В другой раз он под стук колёс давно бы уже заснул, но сейчас так злился, что никак не мог успокоиться. Ольга его бессовестно использовала! Глядя в светлые от бешенства глаза Воронцова, Дмитрий наконец-то догадался, что стал козырным тузом в незамысловатой игре по обольщению важного сановника. Ольга сама афишировала связь с князем Ордынцевым, пытаясь вызвать ревность не мужа, а любовника.

«Противопоставила друга юности генерал-губернатору, а теперь даёт понять, что если Воронцов не поступит “как надо”, то и у неё есть запасной вариант», – злился Дмитрий.

Соперник пытался казаться равнодушным, но его полный ненависти взгляд говорил об обратном. Генерал-губернатор убил бы Ордынцева, если б мог. Чёрт с ней – с ревностью уже немолодого мужчины, но по милости циничной бабы Дмитрий стал нежелательной персоной в окружении Воронцова, так что подходы к начальнику губернской канцелярии закрылись окончательно. Если шпион – Булгари, то Дмитрий, можно считать, провалил задание. К тому же (что было обиднее всего) его выставили дураком. Хотя почему «выставили»? Он и есть настоящий дурак. Получил-то ведь по заслугам: использовал женщину ради своих целей. Чего же теперь обижаться, что и она не осталась в долгу?

Самым противным было то, что унижительный разговор слышали посторонние. Надин Чернышёва так старательно вытягивала шею, так внимательно смотрела на сцену, что можно даже не сомневаться, уж она-то не пропустила ни единого слова. До чего ж вредна! И при этом порочна, а ведь всё при ней – хороша безмерно, да к тому же сильна и полна жизни, и при этом путается со старым развратником. Дмитрий не понимал этого и мог объяснить подобное поведение лишь внутренней червоточиной, врождённой гнилью души. Хотя, если уж быть честным, его нынешняя любовница недалеко ушла от красотки Надин.

Бабы, чёрт бы их побрал! Да пропади они все пропадом! Кто их поймёт?! Уж точно не князь Ордынцев... Впрочем, зачем о них вообще думать? Нужно сосредоточиться на деле. Это сейчас главное. Злость наконец поостыла, Дмитрий собрался с мыслями и принялся вспоминать известные факты о торговце гашишем. Хорошо бы, Закутайло оказался прав. Если этот Гедоев – действительно связник и через него они смогут выйти на шпиона, тогда ссора с генерал-губернатором не повредит делу. Новый помощник Афоня должен был проводить торговца гашишем до въезда в Петербург, а при удачном стечении обстоятельств даже довести Гедоева до самого его дома. Вот тогда и появится возможность обложить шайку, пройти по цепочке от связника к хозяину. Наверное, для слежки понадобятся ещё люди, но на этот случай у Дмитрия имелось письмо адмирала Грейга на имя генерала Бенкендорфа. Вспомнив о письме, Ордынцев вдруг осознал, что не сумеет им воспользоваться. Все начальники отбыли в Первопрестольную, и до окончания коронационных торжеств никто из них возвращаться не собирался.

Но Афоня с подопечным уже выехали в Петербург, и самому Дмитрию задерживаться в Москве не имело смысла. «Ничего! Как-нибудь справимся», – решил он. В крайнем случае, можно будет привлечь к слежке собственных дворовых. Так он и сделает! Второго провала Дмитрий себе позволить не мог. Теперь его волновала только скорость передвижения. Он менял лошадей и отправлялся дальше, не останавливаясь на отдых или ночлег, и спустя трое суток после бесславного посещения раута у Зинаиды Волконской вошёл в вестибюль своего дома на Литейном проспекте Петербурга.

Этот трехэтажный особняк стал последним, к чему приложила свои золотые руки княгиня Татьяна Максимовна. Она закончила отделку комнат всего за полгода до своего отъезда в Рим. Дом был выстроен по типу итальянских палаццо.

– Дом напомнит тебе обо мне, а мне – о тебе, ведь мы будем видеть одно и то же – изящные силуэты римских дворцов, – сказала княгиня Ордынцева, прощаясь с сыном, и, как обычно, оказалась права.

Дмитрий часто вспоминал о родителях, но здесь – особенно. О тонком вкусе княгини напоминали росписи стен и плафонов, искусные узоры наборных паркетов и гармонично вписанная в интерьеры старинная мебель, а картины были миром отца. Ордынцев вошёл в холл и... вздохнул с облегчением – он наконец-то вернулся домой. Скорее к себе – вверх по резной лестнице, потом – по коридорам, а вот и его комнаты... Дыхание родного дома развеяло заботы, прогнало раздражение. Хорошо, что Дмитрий за счет бешеной скачки выиграл для себя несколько дней. Можно будет поваляться в постели и ни о чём не думать. Это было тем проще, что ездить с визитами более не требовалось – Петербург опустел.

Петербург впал в спячку: балов и приемов не было, даже театры, обычно собиравшие полные залы, теперь играли спектакли при пустых ложах. Генерал Бенкендорф тоже отбыл в Первопрестольную, и воспользоваться его помощью не представлялось возможным. Решив, что будет действовать по обстоятельствам, Ордынцев теперь сходил с ума от нетерпения. Да где же застрял Афоня?

Наконец, спустя три дня после его приезда, в кабинете Дмитрия появился дворецкий и сообщил, что у дверей дома стоит какой-то мальчишка.

– Ваша светлость, этот оборванец говорит, что принёс для вас записку, но отказывается передать её мне. Что с ним делать, гнать?

– Зачем же сразу гнать? Посмотрим, что это за гонец такой.

Дмитрий спустился в вестибюль, где обнаружил бедно одетого подростка лет двенадцати, тот с любопытством разглядывал мраморные колонны и высокие, почти в половину человеческого роста, малахитовые вазы. Заметив на лестнице князя, гонец оживился и полез за пазуху.

– Вы будете Дмитрий Николаевич Ордынцев? – строго спросил он, доставая из-под выцветшей рубахи маленький незапечатанный конверт.

– Его светлость – князь! – возмутился дворецкий. – Ты как, голытьба, разговариваешь?

– Спасибо, я сам разберусь, – успокоил дворецкого Дмитрий и обратился к мальчишке: – Я – тот, кого ты ищешь. Письмо тебе дал мужчина, ещё молодой, невысокий, зовут его Афанасий. Правильно?

– Да, – подтвердил юный посыльный и протянул Ордынцеву конверт.

Помощник писал кратко:

«Наш подопечный прибыл в дом на Охте, похоже, что он – здесь хозяин. Мальчик приведёт вас ко мне».

Ну, вот и началась самая важная часть игры! Дмитрий повернулся к мальчику и уточнил:

– Как тебя зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.